Макс Фрай

Александр Шуйский

ВСЕ О МИРЕ ЕХО

Придумать три книги и три года.

«Чашка Фрая» пишет себя сама

и немного больше

Макс Фрай

Все о мире Exo и немного больше. Чашка Фрая

«АСТ»
2018

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6

Фрай М.

Все о мире Exo и немного больше. Чашка Фрая / М. Фрай — «АСТ», 2018

ISBN 978-5-17-110854-0

Эта книга – проект искусствоведа, художника и писателя Александра Шуйского. Она представляет собой 33 интервью с Максом Фраем, сделанные на протяжении трех лет. Вопросы задавал не только автор, но и читатели книг Макса Фрая и блога Александра Шуйского; благодаря им, разговор вышел за рамки диалога. Формально каждая глава посвящена одной книге, фактически – всему на свете и некоторым другим интересным вещам.

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-110854-0

© Фрай М., 2018
© АСТ, 2018

Содержание

Чашка первая 6
Чашка вторая 10
Чашка третья 14
Чашка четвертая 17
Чашка пятая 21
Чашка шестая 25
Чашка седьмая 29
Чашка восьмая 34
Чашка девятая 38
Чашка десятая 42
Чашка одиннадцатая 48
Конец ознакомительного фрагмента. 50

Макс Фрай, Александр
Все о мире Exo и немного больше. Чашка Фрая

О том, как появилась эта книга.

Она возникла из двух вещей: из разговоров и «подвешенных» книг в магазине электронных книг.

Что такое «подвешенная» книга?

На сайте электронных книг Макса Фрая есть страница, которая называется «чашка Фрая»[1]. Любой человек может зайти на сайт и оплатить одну или несколько электронных книг – чтобы кто-то другой, у кого нет денег или возможности платить онлайн, мог унести с сайта книжку из списка «чашки». По этому же принципу в некоторых кафе «подвешивается» чашка кофе – чтобы ее выпил кто-нибудь еще, кто угодно, зашедший с улицы.

О каждой из этих книг можно было бы отлично поговорить, подумал я, когда первый раз смотрел раздел «чашка Фрая». А потом подумал: а почему бы и нет.

Тогда я написал названия всех книг списка «чашки» на полосках бумаги, а полоски положил в шляпу. Их оказалось тридцать три («Энциклопедию мифов» и «Первую и Вторую линии» я беру вместе, потому что было бы смешно сначала рассказывать о втором томе, а потом, полгода спустя, о первом). И в течение трех лет время от времени мы с автором вели разговоры, каждый разговор – вокруг одной из тридцати трех книг. Одновременно в своем блоге я получал от читателей вопросы к объявленной книге – и здесь хочу поблагодарить всех, кто их задавал. Некоторые вопросы пришлось перефразировать, на некоторые – отвечать не по одному разу или отвечать частями. Когда вопросов не подбиралось или когда у нас бывала тема для разговора вроде о книжке, а вроде и не совсем о ней, я задавал вопросы сам.

Вот так и получились наши разговоры.

Чаще всего мы говорили через экран, но несколько записей осталось после встреч живьем, и каждый раз как нарочно: к примеру, глава по «Ключу из желтого металла» писалась в Праге, основном месте действия книги, а глава «Темная сторона» – в Венеции, и, кажется, как раз после этого приключения стало понятно, что «Чашка Фрая» уже пишет себя сама. К этим разговорам я дописывал собственные соображения, иногда о книге, иногда – почти что о королях и капусте, как это уже принято в книжных беседах. Тридцать три книги и три года. Ну как тут не выловить золотую рыбку. По-моему, нам удалось.

[1] Примечание МФ: «Чашка Фрая» появилась у нас благодаря подсказке читательницы Марины Поляковой, спасибо ей за эту идею.

Чашка первая
«Горе господина Гро»

Я не буду говорить о всей книжке, а только о двух центральных парах, двух родителях, очень разных во всем и очень похожих в одном: они оба сделали своих детей не по любви.

Один – в бесконечном нарциссизме, а второй – в бесконечном горе.

То и другое у нормальных людей объединяет непрожитая травма, и, в общем, как все нормальные люди, ни Хумха, ни Габа не смогли с нею справиться самостоятельно. Хумха Йох – чуть ли не образец родителя-нарцисса, но его нарциссический склад личности проявился, как я понимаю, задолго до рождения сына. Габа Гро, лекарь, потерявший любимую жену, – человек, настолько далекий от эгоизма, насколько возможно, – превращается в нарцисса, слепого, глухого, ничего не желающего знать об истинном положении дел, – когда позволяет своему горю занять все имеющееся пространство.

Про Хумху можно сказать, что он позволяет то же самое своему безумию. И, по-моему, это для колдуна совершенно равно горю.

Что делает горе? Оно ищет кого-то, кто взял бы на ручки. И родитель-нарцисс (оба родителя в этой книге) «создает» себе ребенка, предполагая (в слепоте горя или безумия, а в обычном человеческом случае – просто травмы), что они с этим ребенком будут чем-то вроде сферического коня в вакууме – никаких вмешательств извне, никаких влияний, никаких действий наружу. Родитель создаст ребенка, тот будет его вечным утешением. Он никуда от родителя не денется – внешнего мира не существует, куда ему деваться.

Казалось бы, если так сильно болит, что тебе нужно постоянное болеутоляющее – попробуй вылечиться. Обратись к кому-то.

Но, во-первых, внешнего мира не существует, во-вторых – он враждебен.

И будь ты детский врач или один из самых могущественных колдунов Мира – исход один и тот же, сидеть тебе в своем горе или безумии, пока не умрешь или не случится что-то, что выбьет тебя из кокона.

(В случае с Хумхой даже смерть не очень-то повлияла.)

И вот, в бесконечном своем горестном одиночестве, родитель делает себе ребенка. Чтобы взял на ручки. Чтобы утешал. Чтобы быть не одному в этом коконе горя или безумия.

А ребенок, эгоистичная и своевольная тварь, прежде всего хочет на ручки сам. Особенно, пока мал. Да и вырастая, тоже как-то сохраняет собственные желания.

И что делает Габа? (Который в испытывании горя оказался колдун покруче, чем даже Хумха, того на такой абсолют все-таки не хватило, локальный и страшный талант у человека.) Он делает дитя, которое никогда не вырастет, не подвержено влиянию внешнего мира почти совсем и которое ничего не хочет. Кроме одного – чтобы кто-то взял на ручки ее саму.

А выпущенное на свет горе немедленно начинает занимать все отведенное ему пространство, то есть столько, сколько может. Никаких ограничений на него Габа не наложил. Все, что ему было нужно – чтобы полегчало и не возвращалось больше. Он остается слеп и глух к тому, что замечает уже весь город, и, скорее всего, если бы не вмешательство Джуффина, так бы и остался слеп и глух.

Он порождает на свет ущербное существо с единственной функцией: возьми меня на ручки. Так, как делают все травмированные родители. После чего это существо отправляется на поиски того, кто взял бы на ручки его. А поскольку в окружении таких не находится, порождает свое. А то – свое. Так появляются травматики. Жуткая штука на самом деле.

Кофе, сыну Хумхи, повезло в том, что, во-первых, был все-таки человек, а во-вторых – быстро сбежал. Если бы его папе пришла в голову идея слепить себе сына-голема, еще неизвестно, чем бы дело кончилось.

Но все схожие признаки налицо. Информация из внешнего мира не поступает или поступает в искаженном виде (его причитания по поводу карьеры и занятий сына), масса усилий тратится на то, чтобы устранить из общего с ребенком пространства как можно больше народу (будь его воля, Хумха бы всех разогнал, другое дело, что у призраков не так велики возможности, но припомните-ка, какими словами описывает любая мама-нарцисс подруг или приятелей своего ребенка, если ей хоть на минуту кажется, что они ребенку ценнее, чем она сама).

И никакая личная сила не спасает.

Вот так выглядит ад в чистом виде, ничем не контролируемый и не сдерживаемый – бери на ручки, дрянь, и заткнись.

И он тоже занимает все отведенное ему пространство, если ничего не делать.

Ну и на сладкое, то, что меня страшно развеселило в свое время – каждая книжка цикла все-таки игра, хоть и очень всерьез, и в каждой есть чисто игровые перевертыши. Вы никогда не задумывались, кто такой Абилат Парас, лучший лекарь всех времен и народов?

Айболит Парацельс.

А теперь вопросы к Максу Фраю.

Вопрос читателя: Мне бы хотелось узнать, почему Коба. Вот просто – почему он такой, явный диктатор, существует в книгах любимого мною автора, очень бережно относящегося к жизни. Но автор неоднократно говорил, что он вообще-то писатель-документалист, вообще ничего не придумывает – так что примем за рабочую гипотезу, что настоящий диктатор существует в Exo, неплохо себя чувствует и дружит с королем. Это меня несколько смущает, но это тоже не вопрос. Нельзя же спрашивать: «А вот меня тут смущает – что мне с этим делать?»

М.Ф.: *На самом деле формулировка: «А вот меня тут смущает – что мне с этим делать?» – практически идеальная. Потому что, да, совершенно верно, проблема всегда с нами, с нашим восприятием, с нашими интерпретациями. А не с кем-то (чем-то) снаружи, которое просто есть – вот такое, какое есть.*

Идеальный ответ на этот идеальный вопрос – жить с этим. Это вообще нормально для человека – жить с противоречиями, неувязками, тем, что не укладывается в голове, бесит и обманывает ожидания. Мы на этих тренажерах накачиваем себе красивые сознания с рельефными мышцами духа. Ну или зарабатываем грыжи. Кто как. Это, собственно, и есть жизнь сознания, угасания которого так боится почти все человечество, включая истово верующих. Хотя бы поэтому имеет смысл наслаждаться всеми камнями, которые лежат у нас на душе, косвенно доказывая ее (души) существование.

…Что же касается Кобы.

Вообще-то, диктаторы как таковые кажутся мне скорее трагическими фигурами, чем «нехорошими бяками». На месте диктатора мне всегда видится вполне заурядный человек, попавший в капкан власти и безнаказанности – ну и понеслась душа в ад. Или еще куда подальше. В школе, классе, кажется, во втором или третьем, учительница дала нескольким отличникам проверять тетрадки с домашним заданием остальных учеников. И я очень хорошо помню, как мы дружно исчеркали все красными карандашами и понаставили двоек там, где работа была сделана на четверку. С тех пор я довольно много знаю о природе диктатуры и бесконечно радуюсь, что большей власти мне никто никогда не предлагал.

Впрочем, допускаю, что некоторые диктаторы и тираны так прям и рождаются нечеловеческими исчадиями ада с выпученными от злобы глазами и сотонинским клеймом во лбу. Но все равно их злодейское величие меркнет перед ежедневным подвигом так называемых простых людей, строчащих анонимки на соседей по коммуналке ради возможного освобождения комнаты, аккуратно подвергающих подследственных пыткам в рабочее время с перерывом на обед и так далее. Тирания всегда опирается на массовую подлость в гораздо большей степени, чем на личность тирана. Строго говоря, только на нее. В обществе, где все люди не способны вести себя подло, пресловутая диктатура/тирания станет всего лишь одним из способов управления государством, со своими достоинствами и недостатками. Лично мне такой способ управления не нравится – ну так мне вообще ничего из придуманного людьми не нравится, кроме анархии, до которой уважаемое человечество пока, увы, не доросло.

В общем, лично меня тайное родство Кобы с каким бы то ни было тираном, если что, совершенно не шокировало бы. Потому, хотя бы, что мы с вами понятия не имеем, чем сейчас занят тайный, неизреченный и немыслимый двойник читателя, задавшего вопрос. Не факт, что у автора вопроса такой двойник непременно есть, но он вполне может быть. Никогда заранее не знаешь, в каком измерении у тебя тайный близнец внезапно отрос! И этот самый двойник автора письма вполне может вот прямо сейчас пожирать живьем беззащитных невинных геологов, забравшихся в какое-нибудь запретное подземелье под Третьей Горой Ихилосс, на Седьмом Арль-пути, в Гийярде. Например.

Мы не ответственны за поведение своих тайных неизреченных двойников, о которых и вспоминаем-то только в некоторых снах и забываем задолго до пробуждения, вот что я хочу сказать.

Вопрос читателя: Макс затащил Кофу в другой мир, соответственно, Кофа получил возможность путешествовать по мирам, видеть сны и уходить на Темную сторону. Но Джуффин как-то говорил, что на таком вот «человеке Мира» держался Тайный Сыск, что он – что-то вроде опоры Сыска.

И как они теперь без опоры? (Понятное дело, что справятся, это Тайный Сыск, для них все возможно, но все же как?)

М.Ф.: *Ну, ровно так же, как сегодня справляется без таблеток от запора человек, который по рекомендации врача принимал их курс восемь (например) лет назад и благополучно вылечился. Как справляется без материнского молока пятнадцатилетний подросток. Как справляется без присмотра воспитательницы детского сада сорокалетняя мать семейства.*

Я хочу сказать, все меняется. Любая живая система нестабильна. Правила, которые работали вчера, будут только мешать и связывать по рукам и ногам сегодня. Изменения – это не из ряда вон выходящее событие, это нормально, это просто жизнь.

Вопрос читателя: Как сэр Кофа смог попасть на посиделки в «Кофейную гущу»? Насколько я помню, он единственный из всей команды, кто не мог гулять по Темной стороне, ибо он человек иной природы, более «земной», скажем так. Как ему удалось преодолеть себя?

М.Ф.: *На основании всего, что Кофа успел рассказать о себе, я, честно говоря, подозреваю, что Кофина «земная природа», т. е. почти полная неспособность к Истинной магии – следствие ворожбы его заботливого отца. А на любое колдовство найдется способ его отменить.*

Кроме всего, не следует упускать из вида, что в этой истории замешан сэр Макс, а он – такой специальный полезный хитровыкрученный ноль, который может прийти к любому

нормальному солидному числу и как-то почти нечаянно его на себя поделить. И делятся как миленькие, и результат всегда один – бесконечность (возможностей).

Чашка вторая
«Одна и та же книга»

О снах, жизни и литературе

В этот раз я хочу поговорить о литературе, осознанном сновидении и – повседневной жизни.

Итак, одна и та же книга.

И начну я прямо с того же, с чего начинается сборник.

> Жизнь и сновидения – страницы одной и той же книги.
>
> *Шопенгауэр*

(Здесь, как в той самой шутке про «чтобы тайна, секс и монаршая особа» присутствуют все три составляющие разговора: книга, жизнь и сновидения.)

А вот еще одна цитата:

> Литература всегда казалась мне своего рода разновидностью сна (пожалуй, единственной легкоуправляемой разновидностью). Чтение – искусство сновидения для ленивых; писательство, по большому счету – тем более.
>
> *Макс Фрай*

И третья, из самого первого рассказа сборника:

Всякий город – таинственное и удивительное место, но это мало кто замечает.

Если вооружиться всеми тремя, то самое интересное начинается, если подставить в третью вместо слова «город» последовательно «сон», «книга» или «жизнь».

Причем правдивость никак не пострадает.

Смотрите:

Всякий сон – таинственное и удивительное место, но это мало кто замечает.

Всякая книга – таинственное и удивительное место, но это мало кто замечает.

Всякая жизнь – таинственное и удивительное место, но это мало кто замечает.

Правда, в каждом из трех вариантов слушатели, скорее всего, будут оспаривать разное. В первом случае – будут спорить с «мало кто замечает», во втором – со словом «всякая»: есть книги интересные и не очень, – а в третьем, я думаю, пожмут плечами и скажут «может быть, чья-то, но не моя».

А теперь я скажу очевидное, но иногда нужно говорить и очевидное.

Практически все книги Макса Фрая – это пособие по овладению осознанным сновидением и превращению повседневной реальности в таковое. То есть превращению «не таинственного и не удивительного» и «чужого» – в мало того, что таинственное и удивительное, но, и это самое важное, – в свое.

Причем рецепты повторяются из книги в книгу, из рассказа в рассказ: приведи в порядок свои сны, будет проще с жизнью. Хочешь что-то поменять – съешь или выпей что-нибудь, это, конечно, принцип Алисы, но ведь «Вниз по кроличьей норе» – это именно рассказанный сон.

И вот более точная инструкция: хочешь поменять не просто что-то, а с одного конкретного на другое конкретное – заведи ритуал.

И описанных ритуалов на перемены – более чем достаточно, практически на все случаи жизни.

…Существует множество практик работы со снами и их символикой, и те, кто умеет читать символику, часто пользуются снами – как ответами на вопросы, например.

Скажем, мучает вас какая-то ситуация, не можете вы решить, что делать, не можете даже понять, как к ней относитесь и чего хотите – можно тщательно сформулировать вопрос к собственному подсознанию и получить на него ответ в виде сна.

А есть совсем прекрасная штука: осознанное сновидение. Это не означает, что все сны, которые вы видите, должны быть непременно осознанными. Скорее уж, лучше, чтобы далеко не все. Но вопрос, заданный в осознанном сновидении, получает самый точный ответ, инструкции – ясны и четки, и если им следовать наяву, результаты иногда просто поражают. В собственном сне вы всемогущи, и если вы осознаете, что спите, то ваши действия превращаются в тот самый совершенный и единственный жест, который приносит совершенный результат.

Что-то вроде того состояния, которое получают герои Роулинг, напившись зелья удачи.

(Можно сказать, что именно в осознанном сновидении пребывает сэр Макс, выходя на Темную сторону. Но это так, к слову.)

Так вот, в практике осознанного сновидения есть одно хорошее упражнение.

Чтобы вспомнить, что спишь – а с этого все начинается, – можно поставить в сознании «якорь». Это могут быть несовместимые с реальным положением дел события или явления, а может быть – некий предмет или набор действий. Причем желательно, чтобы это были очень простые, повседневные действия. Очень свои. Выпить чашку кофе. Скрутить сигарету из душистого табака.

Тело производит привычное действие, а разум, в котором установлена «зацепка», проводит быструю инвентаризацию: это я, я пью кофе, я стабилен, окружение – пластично. Ура, это сон, пойду-ка я погуляю.

Так вот.

Эти якоря действуют в реальной реальности совершенно тем же способом.

Ритуал, «привязанный» к определенному состоянию, возвращает в это состояние из любого морока, из любой невнятицы, на том же принципе построены все толковые инструкции для действий при чрезвычайных обстоятельствах.

И множество героев множества рассказов в сборнике «Одна и та же книга» учатся создавать такие ритуалы – и смотрят, как меняется мир, если самому оставаться в стабильности и не утрачивать любопытство.

А когда научаешься сохранять стабильность (да, в общем, прежде всего, самого себя), то очень быстро обнаруживаешь, насколько пластичен мир. Насколько, если как следует держаться за якорь, равномерны и разнообразны его потоки, как легко образ или слово обрастают плотью.

Насколько совершенен может быть каждый жест.

Это действительно одна и та же книга. Более того, это своя книга.

Совершенно конкретного авторства.

После чего вполне можно сказать и наяву:

«А пойду-ка я погуляю».

И ответы на вопросы:

Вопрос читателя: В рассказе «Sweet plum» помогает «вспомнить все» сливовый табак. Вот эта тема – она очень страшная и очень манящая, понимаешь, что лучше бы подальше от нее, но влечет неудержимо. У меня даже словами толково спросить вряд ли получится. Мне

кажется, это самое страшное – забыть настоящее. Какие есть способы защиты от такого забвения? Мне очень нравится, когда этими способами выступают вот такие конкретные детали, а не умозрительные сферы, которые поди руками потрогай. Сливовый табак, например. Как и почему что-то становится таким якорем? И можно ли их специально, сознательно расставлять, чтобы всегда находить дорогу обратно?

М.Ф.: *Очень сложный вопрос. В том же смысле сложный, в каком торт «Наполеон» – очень много слоев, очень много ответов.*

Начать придется с того, что вы задаете этот вопрос человеку, отдающему себе отчет, что нет никаких гарантий и никаких доказательств, что сегодня я – та же самая личность, которая легла спать вчера. И что реальность вокруг та же самая, никакой уверенности у меня тоже нет.

То есть я, конечно, не думаю, будто моя жизнь – непрерывная череда бессвязных галлюцинаций, отягченных приступами ложной памяти. Но допускаю (среди многих других версий), что вполне может быть и так. Почему нет.

Единственная ценность, которая может быть у человека с подобным подходом к делу – это, конечно, сознание. Вот та самая штука, которая воспринимает и осознает информацию, данную мне в ощущениях и прочих раздражителях – она, безусловно, есть. И она – не личность, не память о событиях в жизни личности (так в некоторых снах я ничего не помню о собственном бодрствовании, зато с той же степенью уверенности помню массу других событий, не имевших места наяву, но при этом помнящий-непомнящий персонаж, несомненно, именно я).

Можно еще очень много говорить на эту тему, но лучше сразу заключить: значение имеют только ясность сознания и осознанность каждого поступка. А что становится для нас ключом к прояснению и осознанию – сливовый табак, капуста, телефонный звонок, молитва, запах, какой-нибудь привычный ритуал, тесное кольцо на пальце, заклинание, дружеская рука на плече, приступ боли, с детства знакомое стихотворение, выстрел, необходимость управлять автомобилем, ведро воды на голову, птичий крик – совершенно неважно. Лишь бы были такие ключи.

И вопрос от меня:

Скажи, пожалуйста, по-твоему, раз писательство и сновидения – настолько близкие процессы, насколько близки те «личности», которыми человек пишет и видит сны? Лично для тебя. Насколько похожи твои писатель и сновидец друг на друга – и насколько они похожи при этом на тебя в целом?

М.Ф.: *Мне кажется, что меня-сновидцев очень много. Целая толпа разных личностей. Личность – это же просто способ, которым проявляется наружу суть, а я (то «я», которое и есть суть или что-то вроде) нуждаюсь в разнообразии, как огонь в кислороде. Чтобы гореть!*

(Наяву у меня все-таки более-менее одна личность, постоянно изменяющаяся, но вполне линейно и последовательно. Это и понятно: так называемая реальность гораздо менее пластична, чем сны, что с нее, материальной, взять.)

Скажу больше, мне не раз снились сны, в которых мне приходилось быть сразу двумя личностями одновременно. Несколько раз – палачом и его жертвой, видимо, чтобы мало не показалось. И чтобы сразу дошло, как мало отношения имеют все эти маски к сути, к огненной точке в темноте, которая и есть что-то вроде «я».

И пишет, конечно же, именно эта точка. А личности бродят вокруг и мешают, как малые дети. Чем меньше они орут, тем лучше идет работа. Думаю, если однажды они совсем умолкнут, можно будет написать то самое слово, которое – сама жизнь.

Но пока работаем с тем, что есть.

Чашка третья
«Книга для таких, как я»

Начиная с названия, это, конечно же, мистификация, причем многоуровневая, как в «Мешке с костями» Стивена Кинга. Зная этого автора, берешь книгу с таким названием и ожидаешь именно что мешка с костями, буквального, а потом на десятой странице тебя поджидает цитата: «В сравнении с самым тупоумным человеком, который действительно шагал по земле и отбрасывал на нее свою тень, – вроде бы сказал Харди, – любой персонаж романа, пусть и идеально выписанный, – мешок с костями».

(Вы это запомните, пожалуйста, насчет любого персонажа, выписанного автором, мы к этому еще вернемся.)

Хм, думаешь ты, кажется, мешок с костями будет не буквален… И живешь в литературном мире, персонажном, книжном, вместе с Майклом, мешком с костями, плодящем такие же мешки.

После чего Кинг, уже ближе к концу книги, вынимает-таки этот мешок с костями, настоящий мешок с неупокоенными костями, как кролика из шляпы. И ты понимаешь, что тебя водили за нос всю книгу.

Так в чем, собственно, мистификация «Книги для таких, как я»?

Прежде всего – в том, что выдуманный когда-то автор-персонаж работает в этой книге читателем. Читателем запойным, ищущим, проживающим множество книг как множество жизней.

Он читал все то же (или почти все то же), что и мы, язык его чтения – русский, следовательно, либо русская проза, либо переводы. Он вырос на тех же сказках в тех же изданиях, на которых выросли мы.

То есть, по сути, «такие, как я» – это все. Любой читатель, взявший в руки этот сборник эссе о читателях, авторах, книгах и литературе вообще, написанный одним из самых страстных читателей на свете. Написанный почти на бегу, урывками, по случаю. Я лично очень легко могу себе представить эти статьи как записи на автоответчике из «Энциклопедии мифов». Надиктовал и дальше помчался.

А теперь минуту внимания. Речь идет о выдуманном персонаже. Выдуманном авторе. Который адресует книгу таким, как он. И много в этом мире наберется таких, как он?

То есть книга, обращенная ко всем, не может быть отдана никому, если точно следовать инструкции. Нет больше таких, как он, выдуманный писатель Персуорден покончил с собой в третьей книге «Александрийского Квартета», хотя вот он бы, мне кажется, оценил красоту этой ленты Мебиуса.

У этой ленты есть еще один виток. Я почти уверен, что автор и создатель сэра Макса либо не знает об этом витке сам, либо прочно о нем забыл.

Еще одна цитата, из «Лекций по русской литературе» Набокова.

Идеальный читатель.

«Он не принадлежит ни к одной определенной нации или классу. Ни один общественный надзиратель или клуб библиофилов не может распоряжаться его душой. Его литературные вкусы не продиктованы теми юношескими чувствами, которые заставляют рядового читателя отождествлять себя с тем или иным персонажем и «пропускать описания». Чут-

кий, заслуживающий восхищения читатель отождествляет себя не с девушкой или юношей в книге, а с тем, кто задумал и сочинил ее. <…> Ему нравится книга не потому, что она помогает ему обрести «связь с обществом» <…>, а потому, что он впитывает и воспринимает каждую деталь текста, восхищается тем, чем хотел поразить его автор, сияет от изумительных образов, созданных сочинителем, магом, кудесником, художником. Воистину лучший герой, которого создает великий художник – это его читатель».

А раз так, то мы и есть эти самые персонажи, все, кто страстно и запойно читает книги, потому что если каждая очень хорошая книга, гремя своими мешками с костями, в итоге создает хотя бы одного «лучшего героя» книги, читателя этой самой книги, то «для таких, как я» – это как раз для нас.

«Нам-то еще ничего, жить можно. Вот те, которые не придуманные… Тыщу лет на складу пылятся…» – говорит Додо в спектакле по «Алисе в Стране чудес», два виниловых диска моего детства, не слышал их уже лет двадцать, помню каждую интонацию.

Это про нас. Для нас. И ради нас. Уже придуманных.

Знаете, я недавно, пытаясь рассказать о том, что такое человек и зачем он вообще именно такой, какой есть, сказал: «Есть нравственный закон внутри нас и звездная бездна над нами, казалось бы, что в них общего. У них есть связь. Зависимости нет. А связь – есть. И связь эта – человек».

Человек – это такое удивительное промежуточное звено, которому для получения смысла жизни необходимо заглядывать в бездну, которой, в свою очередь, чтобы обрести смысл, нужно иметь наблюдателя, – впитывающего, воспринимающего, восхищенного, сияющего, выдуманного этой бездной и выдумавшего ее самое.

А автору я задал только один вопрос, но очень важный.

Скажи, что для тебя есть идеальный читатель?

М.Ф.: *Правда, по моему опыту, всегда сумма разных утверждений, иногда противоречивых. Хотя лично мне хотелось бы, чтобы было как-нибудь попроще.*

Поэтому вот тебе краткий перечень ответов на твой вопрос:

– Идеального читателя, конечно же, не существует, хотя бы уже потому, что реальность, в рамках которой мы все сейчас живем (и, в частности, происходит этот разговор), совершенно не приспособлена для чего-либо идеального. И с чего бы читателю быть исключением.

– Идеальный читатель – это просто читатель, который умеет читать. Я сейчас не о какой-то выдающейся способности хитроумно проникать в потаенные глубины авторского замысла, а о простом умении складывать из букв слова. Сложил из «ж», «о», «п», «а» слово «жопа», а не, к примеру, «вечность» – вот и молодец. Прочитал, что написано!

– Идеальный читатель – это, конечно же, тот читатель, чья жизнь изменилась от прочитанного. Неважно, как именно, неважно, до какой степени. Если читатель прочитал про яблочный пирог и пошел его печь, это тоже годится. Просто в такие моменты (то есть, когда под влиянием текста совершаются поступки) строятся мосты между несбывшимся и сбывшимся. А иногда даже между невозможным и произошедшим, всякое бывает.

А литература (по крайней мере, та ее часть, которая интересует меня) – для этого.

– Когда речь заходит о читателях, я всегда первым делом вспоминаю драму «Враги» Яромира Хладика. Ну, то есть, строго говоря, не саму драму, а рассказ Борхеса «Тайное чудо», персонаж которого, приговоренный к расстрелу, сокрушается, что не дописал еще два акта драмы «Враги», просит у Бога год, чтобы закончить работу, и получает его. Расстрел при этом не откладывают, просто последняя секунда жизни в восприятии Хладика растягивается на год, и автор волен сколько угодно дописывать, переделывать и править свой текст. «Он трудился не для потомства, даже не для Бога, чьи литературные вкусы были ему неведомы. Неподвижный, затаившийся, он прилежно строил свой незримый совершенный лабиринт», – пишет Борхес.

Так вот, мой идеальный читатель – тот, кто понимает, зачем Яромир Хладик дописывал и доводил до совершенства эту свою чертову пьесу.

– Еще мой идеальный читатель – тот Бог (та версия Бога), к которому можно обратиться с такой вот дурацкой просьбой и получить согласие.

– Борхес, кстати, тоже мой идеальный читатель. И не только потому, что умер задолго до того, как мне пришло в голову что-то написать. Хотя это, безусловно, прибавляет ему очков.

– Но гораздо важнее, что я его люблю. Мой идеальный читатель – каждый, кого я люблю. Не обязательно всю жизнь, можно всего пять секунд. Любовь всяко вне времени и измеряется точно не им.

– …У моего идеального читателя карие глаза, коротко стриженные темно-русые волосы с проблесками ранней седины, рост 178 см., вес 71 кг. Ему тридцать четыре года и восемь месяцев. Он живет в Мичигане.

Ясно, что это описание может быть заменено любым другим без какого-либо ущерба для смысла сказанного.

– Потому что идеального читателя, как уже было сказано, не существует.

– Но это совершенно не мешает ему быть.

Чашка четвертая
«Власть несбывшегося»

О магии и телесности

Прежде всего, обе книги под этим заголовком – «Возвращение Угурбадо» и «Гугландские топи» – о смерти. Вернее, даже не так: об умирании. Смерть как таковая – не самая худшая штука, а вот умирание как процесс не обрадует никого. Особенно от таких вещей, которые приходят в этих книгах в виде смерти.

Герои этих книг теряют тело. И те, кто попал под действие эпидемии, и Теххи, и даже теплая компания вампиров, засевшая на задворках каторжной тюрьмы: совершенно понятно, что их тело – скорее видимость, чем настоящая плоть, они действуют сознанием куда более внятно, чем физикой.

(При этом колдун Угурбадо расселяется на два тела разом – и всякое его умирание служит ему на пользу, а не во вред, и только от мертвецов он может принять исключительно смерть, а не силу.)

В этих двух книгах не просто много смертей. В них человек вольно или невольно вынужден так или иначе наблюдать собственное умирание – все, вплоть до коменданта Нунды и самого Макса, который вполне вознамерился остаться в том самом болоте, в которое завел коменданта.

Эти книги полны телесности. Страха утраты этой самой телесности – какой бы она ни была, – и медленного, слишком медленного сбывания этого страха.

И вот что мне любопытно. Как связаны телесность и магия?

Ведь насколько по-разному колдуют все маги в Exo – в зависимости от того, насколько явна их телесность. Джуффин, который, скорее всего, давно уже не имеет человеческого облика, колдует, как свистит. Он смеется, он дурачится, он получает огромное удовольствие. Иногда настолько явное, что за ним теряет суть того, что происходит, слишком увлекаясь процессом.

Кофа – самое плотское существо из всей компании, – колдует обыденностью. Простые волшебные вещи – это о нем. Он курит трубку, он проводит руками по лицу, он появляется в нужном месте в нужное время, информация – очень большая часть его магии.

Магия Лонли-Локли в огромной степени опирается на то пространство, которое он занимает. Именно колдовать ему приходится не так уж часто – как правило, достаточно присутствовать. Он колдует как дышит в буквальном смысле этого слова.

И только Максу необходимо передвигаться, причем очень часто – на очень значительные расстояния. Самое серьезное его колдовство совершается им на ходу, особенно когда ему необходимо кого-то вывести, недаром он едва не гибнет, когда по глупости берется кого-то не вывести, а завести, то есть делает жест, абсолютно противный его природе.

Макс колдует ногами.

Пожалуй, цикл Exo – самая разнообразная в смысле магии книжка. Один волшебник здесь так же не похож на другого, как не похожи между собой художники разных школ.

В мире Гарри Поттера, к примеру, волшебство более-менее универсально, оно гораздо больше похоже на вождение автомобиля, чем на живопись.

В мире волшебника Земноморья – тоже очень мало что зависит от личной склонности мага, выпускники острова Рок точно так же «сертифицированы», как и выпускники Хогвартса.

Мне всегда представлялось, что настоящий, действительно сильный маг вовсе не пользуется словами, снадобьями или, упаси Боже, волшебной палочкой. Что он действует всем телом разом, всем собой, внося в пространство сбой или поправку, называйте как хотите – которая расходится от него кругами во все стороны разом, все шире и шире, меняя мир навсегда.

Что это всегда усилие, причем не менее физическое, чем на более тонких уровнях.

Что магия идет от него, как звук, как свет, как музыка. Как невидимая взрывная волна. Что если и есть жест в этом движении, то это жест-фиксация.

Если бы я мог колдовать, самые сложные штуки я делал бы, покрепче обхватив себя руками и привстав на цыпочки.

Вопросов по книге всего два, потому что это очень большие вопросы.

Вопрос читателя: «Расплата», ожидающая Макса за переселение в наш мир членов Ордена Долгого Пути, – она уже наступила, еще наступит или вообще давно в прошлом (до событий этой книги, почему бы нет)?

М.Ф.: *С таким же успехом можно спросить, какой будет расплата ветра за то, что он хлопнул чьей-то форточкой и разбил стекло (ну или просто страшно выл в печных трубах, доведя до предынфарктного состояния дюжину нервных старушек). Правильный ответ: да не будет никакой расплаты. Хотя стекло стоит денег, а у старушек были другие планы на выходные.*

На этом можно было бы и закончить. Дескать, ветер – это ветер, дуть – его природа, а если у нас с ним проблемы, то сами дураки. И с Максом то же самое, такой уж он у нас сэр.

Но это, конечно, будет только небольшая часть правды. А часть правды говорят, когда хотят сбить с толку. Я – не хочу.

Вся правда состоит в том, что расплаты (в смысле наказания в той или иной форме) вообще не бывает. Ни для кого. Это ложная концепция. Мне кажется, она возникла и оказалась столь устойчивой потому, что дрессировать детей и животных проще всего именно в рамках системы «наказание – поощрение». Люди уже много веков используют этот нехитрый метод и думают, будто Бог (судьба, мироздание, собственное бессознательное и т. п.) тоже обращается с ними как с детьми и животными. А это, конечно, не так. Никто нас не дрессирует. Мы тут не в стойле, а в большой игре.

С тех пор как представители так называемой западной культуры, к которой мы все принадлежим, стали интересоваться культурой восточной, в нашем словаре появилось слово «карма», которая представляется западному сознанию аналогом наказания за грехи и поощрения за не-грехи. Поскольку массовый интерес никогда не бывает глубоким, вся многотысячелетняя философия быстренько ужалась до интернетовской шутки «плюсик в карму», которая дурна не потому, что глупа, а потому, что лишает понятие «карма» смысла. Карма – это просто причинно-следственная связь, извините, капитан Очевидность вышел покурить, я пока за него.

Вместо наказаний и поощрений существуют причины и следствия. Это действительно вполне очевидно и обычно не вызывает возражений у человеческого ума. Возражения у него вызывает тот факт, что логика, действующая в поле этих причин и следствий, нам неизвестна. И не потому что страшная тайна, просто в человеческий ум эта логика не помещается. Непостижимая она, такие дела.

И непостижимая логика эта работает, причем только она и работает, нравится нам это или нет.

Все, что можно сделать в такой интеллектуально невыносимой ситуации – внимательно следить хотя бы за одной человеческой судьбой – своей. И стараться не интерпретировать ее в рамках системы «наказание – поощрение», а пробовать нащупать внутреннюю логику этой конкретной игры. Очень трудно, я понимаю. Но интересно же. Я вообще не знаю, что может быть интереснее, потому что, узнавая подлинное устройство и законы функционирования микрокосмоса (себя), мы одновременно получаем информацию о макрокосмосе. То есть об устройстве Ваще Всего.

Я могу подсказать один ключ к этой головоломке, простой, но хороший: жизнь сознания – это непрерывное накопление опыта. Ясно, что любой наш поступок приносит нам дополнительный новый опыт. А любой новый опыт – это вклад в формирование как сознания, так и личности, в которую оно упаковано. Мы непрерывно меняемся вследствие собственных поступков, вот в чем штука. И эти внутренние перемены влекут за собой перемены внешние, потому что внешний мир любого человека – это зеркало (капитан Очевидность докурил, вернулся и взялся диктовать).

Иными словами, если в разгар лета облиться с головы до ног сахарным сиропом, нас немедленно облепят пчелы и другие любители сладкого. Это будет не «расплата», а просто вполне предсказуемое и естественное следствие нашего поведения.

Если при этом наш предыдущий жизненный опыт приучил нас бояться насекомых и не приучил сдерживать свой страх, мы начнем визжать и дергаться. И нас тут же искусают, причем, опять же, не в наказание за грех рукомахания, а следуя своим естественным природным реакциям.

А если у нас есть опыт обращения с насекомыми и опыт, содействовавший формированию механизмов самоконтроля, мы будем стоять ровно, дышать спокойно, и нас не искусают. Это, конечно, будет не «награда», а естественное следствие нашего поведения, причем не просто так внезапно проявившегося, а заранее сформированного опытом всей нашей предыдущей жизни.

Вот так в первом приближении выглядит действие так называемой кармы. Мне кажется, теперь наконец довольно наглядно получилось.

Что же касается отдельно взятого Макса и вампиров, логика его персональной судьбы, как я понимаю, такова, что в мае 1995 года он оказался в Берлине, куда прибыл, по его собственным словам, чтобы навестить неких старых знакомых. Кто такие эти знакомые, догадаться несложно. Особенно зная Макса, который, конечно, тот еще балбес, но с обостренным чувством опекунства. Конечно, рано или поздно он должен был начать беспокоиться, как они там устроились.

А о том, что произошло с Максом в Берлине в мае 1995 года (ну или просто примерещилось ему в ходе того путешествия в Берлин), рассказывается совсем в другой книжке. Угадайте, в какой.

Но повторяю, это не «расплата». Это просто следствие, причем не одного-единственного поступка, а целого множества поступков и некоторых личных качеств, эти поступки определивших.

Вопрос читателя: Были ли в Орденах какие-то принципиальные различия по направлению магии? Скажем, Орден Ледяной руки явно ориентирован на превращение собственного тела в артефакт и действие с помощью этого артефакта. Исходя из рассказов Лонли-Локли, его

Орден был ориентирован на накоплении силы внутри себя. Орден Часов попятного времени описан как копящий силу прежде всего на восприятии.

Или все зависит исключительно от того, как действовал первый Великий Магистр?

М.Ф.: *Ответ на этот вопрос невозможен без оговорок: «Насколько я знаю», «если я правильно понимаю», «на основании разрозненных сведений» и т. п. Потому что я пока действительно не так уж много знаю как об Эпохе Орденов, так и функционировании каждого Ордена в частности.*

И то немногое, что я знаю, свидетельствует о том, что направление развития каждого Ордена действительно целиком и полностью зависит от его Великого Магистра, причем не только от первого, но от любого текущего (по мере их смены). Потому что Великий Магистр – что-то вроде дирижера.

Мне как раз недавно пришла охота послушать вторую Венгерскую Рапсодию Листа, под рукой диска не было, пришлось слушать онлайн. А там, в онлайне, несколько разных оркестров с несколькими разными дирижерами. Некоторые версии, как оказалось, вообще слушать невозможно. Некоторые – хорошо, но непривычно. Потом, с шестой, что ли, попытки, нашелся тот вариант, который мне знаком и поэтому кажется «лучшим», а остальные пошли лесом. Хотя везде одна и та же вторая Венгерская Рапсодия – казалось бы, какая разница. Так вот, разница огромная.

Вторая Венгерская Рапсодия – это у нас, предположим, Очевидная магия. Оркестр – действующие адепты Ордена, Великий Магистр – дирижер. То есть главный интерпретатор. Как он пожелает (точнее, как он сможет), так и будет. Какие музыканты с его точки зрения не тянут, будут изгнаны, новых наберут в соответствии с дирижерскими требованиями. И в результате сколько дирижеров, столько прочтений.

И, кстати, мне кажется, что именно поэтому все так паршиво получилось с Орденами. В смысле, самые толковые Великие Магистры свои Ордена распустили, остальных перебили (в лучшем случае, просто разогнали), а победивший вроде бы всех на свете Орден Семилистника, судя по отзывам сведущих лиц, время от времени мелькающих в разных книгах, здорово снизил качество магической подготовки рядовых участников и на долгое время стал просто дополнительной властной институцией – я имею в виду его мужскую часть, о девочках, которыми дирижирует Сотофа, отдельный разговор.

Так вот, штука в том, что ни один человек не уведет других людей дальше своего человеческого предела. И если для оркестра это не беда, то для магического Ордена – тупик. Вопрос только в том, насколько быстро все в этом тупике окажутся. Если Великий Магистр крут, несколько тысячелетий интересной жизни его окружению обеспечено. Но тупик все равно неизбежен. Потому что смысл магии, строго говоря, в том и состоит, чтобы перешагнуть человеческий предел и идти дальше.

Иными словами, в идеале во главе магического Ордена должна быть сама магия. Ну или человек, давно и прочно вышедший за свои человеческие пределы. Именно поэтому женщинам Семилистника с Сотофой очень повезло, но это – редчайший, уникальный случай.

Чашка пятая
«Жалобная книга»

О трикстерах

Трикстер – «ум без чувства ответственности», антигерой, ловкач, нарушитель установленных законов, джокер.

Некто, для кого процесс игры важнее, чем сама игра, ее ставки и результат.

Самый известный, пожалуй – Локи, породитель конца света, лживый бог, предатель. Основная палка в колесах деяний асов.

Знаете, что есть «Жалобная книга», о которой сам автор говорит, что это «единственная его книга, которую он хотел бы отменить»?

Если не она сама – трикстер среди других книг Фрая, то она, по крайней мере – поиск трикстера. Она ищет его на протяжении всего текста, шарит, как лучом прожектора, перескакивает с персонажа на персонаж, и, что самое интересное, Макса за находку не считает.

А ведь кто есть сэр Макс из Exo? Джокер, конечно же. Вырванный Джуффином и компанией из очень широкого рукава – вероятности? всего-на-свете-возможности? – осуществленная выдумка.

Во всяком случае, везде он выступает в этой роли. И в большинстве книг его основная миссия – спасти мир вообще или небольшой его участок в частности.

А в «Жалобной книге» трикстер не он. В «Жалобной книге» он как раз – более чем лирический герой, со всеми плюсами и минусами этого амплуа. И что ему совсем несвойственно, в этой книге он живет в одном и том же чувстве постоянно, причем таком сильном, что необходимо пожирать чужие чувства-судьбы, чтобы заглушить это единственное, доминирующее: панику. Всю книгу он паникует (хотя и держится молодцом).

Самое точное описание трикстера, которое я когда-либо видел, звучит вот так:

«Заратустра танцор, Заратустра легкий, машущий крыльями, готовый лететь, манящий всех птиц, готовый и проворный, блаженно-легко-готовый».

И в него превращается Юра-Чингизид.

Причем превращается после того, как отправляется на подвиг во имя всеобщего дела накхов, потягаться с неизвестной ведьмой. То есть встает на классическую позицию героя.

Возвращается он из этого похода в совершенно другом состоянии, он весел, взъерошен, напряжен и расслаблен одновременно, «блаженно-легко-готовый». И то, что он делает, скорее не спасает мир накхов, а подрывает его к чертовой матери, но одновременно – дает выход, то есть все-таки спасение.

В мирах Стругацких есть персонаж, которого я вспоминаю, когда «не идет». Все, что угодно, от текста до настроения. Это Вечеровский. Стильный, язвительный, нарушающий все мыслимые правила кофеман и пижон, для которого ответом на любые неурядицы служит слово «работа», благо таким, как он, для этого нужны только карандаш и лист бумаги.

Абсолютно бесстрашный, веселый, взъерошенный, напряженный и расслабленный одновременно, блаженно-легко-готовый.

Дело в том, что он – тоже трикстер, хотя вряд ли Стругацкие имели в виду именно это. Причем в абсолютно классическом смысле, потому что чем он, собственно, занят: он проти-

востоит отмене конца света, потому что ему, видите ли, не нравится то, как этот конец света отменяют.

То есть по сути Вечеровский гробит мир – в пределе. При этом – противостоит трусости, насилию, панике, да чему только не противостоит. Я как читатель всегда, с самого первого раза, был и остаюсь на его стороне.

То, что на позиции трикстера стоит такой несомненный герой и спаситель мира как Шерлок Холмс, причем в последние годы – особенно на этой позиции, ведь первое, что звучит в его адрес в новейшей экранизации – фрик, – уже даже не удивляет.

Но вот до Холмса я, пожалуй, не могу вспомнить настолько очевидного одновременно «против всех обычаев» и «спаситель и герой».

И даже он, как я читал, на свое время как раз должен был хорошо вписаться в общую картину, потому что это общая картина была «джентльмен-любитель знает и умеет в рамках своего всего лишь увлечения гораздо больше, чем профессионал, которому за это платит государство».

И, кстати, это всегда одиночки. Я хочу сказать, что спасают они не людей, а именно ситуацию, мир. Вечеровский принимает работы, но до душ его коллег и до того, пойдут ли они вместе с ним, ему дела нет. Накх Чингизид взламывает систему, замыкает пространственно-временной парадокс, но уходит один. Холмс – ну, Холмс вообще регулярно заявляет, что его увлечение – просто альтернатива кокаину.

Их эгоизм настолько абсолютен, что становится антиэгоизмом в пределе, в рамках мира, а не каждого отдельного человека.

(И всем троим идеально соответствует Принц Хаоса, Рыцарь Мечей в колоде Таро, если уж на то пошло).

Это совершенно новое в литературе поколение трикстеров, появившееся сравнительно недавно: одиночка, эгоист, мизантроп, чрезвычайно деятельный, очень профессиональный персонаж, который идет вразрез со всеми правилами и традициями, но вскрывая систему изнутри, отменяет конец света, хотя иногда ставит себе цель совершенно противоположную.

При этом, замечу, трикстеры эти живучи настолько, что даже убивший их автор не в состоянии не воскресить своего персонажа. Вечеровского не убрать даже прямым попаданием метеорита.

Процесс игры для них важнее, чем ставки или результат.

И знаете, я как-то им очень верю.

Холмсу, Вечеровскому, накху Юре.

Если конец света и можно чем-то отменить, не в панике, а по-настоящему, то это самой игрой, а не сорванным кушем. Белой рубашкой, чашкой кофе, прямой спиной, работой в любых условиях.

Ну и вопросы.

Вопрос читателя: В околоцигунских кругах я встречал людей, умеющих влезать в чужую шкуру. Правда, с целью лечения, а не для проживания чужой жизни. Книги Фрая эти товарищи всегда воспринимают как суровый реализм. И вообще не понимают, почему на полках они стоят в разделе фантастики.

Возможно ли научиться некоторым техникам накхов или все-таки это некий природный дар?

Макс где-то в середине книги рассказывает о том, что все бытовые проблемы идут у него под грифом «неважное». Именно поэтому деньги как бы сами собой зарабатываются, в его городе почти не бывает пробок, если надо срочно решить какой-то вопрос, нужные люди сразу

же попадаются на пути. У меня у самого иногда так получается. Но чаще все-таки увязаю в бытовухе. Меня часто выбивает из состояния игры в состояние серьезной, трудной взрослой жизни. Как научиться задерживаться в игре дольше? Или вообще остаться в этом состоянии навсегда?

М.Ф.: *Мне кажется, влезать в чужую шкуру могут довольно многие. В разной степени, конечно. Большинство – эпизодически и, скажем так, не по собственному желанию, а когда «само» накатит. На некоторых «само» не накатит никогда. Но это – вопрос желания, намерения и практики (как вообще все).*

Насчет сурового реализма товарищи правы, конечно. Вообще, хорошо, что на свете есть «околоцигунские» и прочие граждане, чей опыт восприятия хоть немного выходит за рамки так называемого обыденного. От этого ощущение, что постоянно разговариваешь с ямкой, которую сам же перед этим и вырыл с целью сообщить ей очередной медицинский факт об ослиных ушах царя Мидаса, сменяется пониманием, что ты на самом деле сидишь на подоконнике распахнутого окна и разговариваешь с людьми, идущими по улице. Это большая радость – полноценный диалог.

А вопрос, как научиться задерживаться в игре дольше – это вопрос всей жизни. Я имею в виду, мы все этот вопрос так или иначе всю жизнь решаем (ну или не решаем и живем очень плохо, скучно и трудно), потому что умение не поддаваться сокрушительной заземляющей силе материального мира – это же не разовый фокус, а процесс, который должен идти всегда. Остановился – ушел на дно, выныривай и начинай все сначала.

Штука в том, что книжному Максу противостоять этой заземляющей силе довольно легко. И не потому, что он книжный персонаж, а потому, что его жизнь действительно наполнена вещами гораздо более важными, чем всякая «трудная взрослая жизнь». Не всем настолько везет – чтобы вот так сразу обрести свои прекрасные сверхценности, на фоне которых меркнет все остальное. Но «не везет» – это вовсе не означает «ничего не получится». Просто на первом этапе будет гораздо трудней. И в такой ситуации очень здорово иметь возможность обратиться за практическим советом к тем же «околоцигунским товарищам», например. Даже простейшие дыхательные практики делают с нами (людьми) такие чудеса, что пару лет спустя сами себя не узнаем. При том, что через пару лет – это по-прежнему будет только самое начало пути. Потрясающая перспектива.

Вопрос читателя: Как сейчас автор думает-видит-чувствует: «слизнуть судьбу» – действительно значит лишить кого-то шанса на бессмертие?

М.Ф.: *Хороший вопрос.*

Автор сейчас думает, что «Жалобная книга» – единственная его книга, которую он хотел бы отменить. Чтобы она исчезла отовсюду, включая читательские головы – и все.

Потому что эта книжка – неправда. То есть даже хуже – полуправда. Местами настолько достоверная, что вместе с этой достоверностью как по маслу идет и полная чушь – вот про это пожирание людей целиком, вместе с бессмертной душой, в частности. Штука-то в том, что способность «читать» других людей, «слизывать их судьбы» есть у многих; не в таком объеме и не с такой четкостью воспроизведения, как у книжных накхов, но все-таки это довольно распространенное умение. И одновременно вот это состояние полубесчувственности, отстраненности от собственной жизни – оно тоже очень многим знакомо. И у большинства читателей происходит мгновенное, полное узнавание по одному из этих пунктов, а то и по обоим сразу: точно! Правда! Все так и есть!

А оно не «точно» и не «правда». Наше узнавание обоих описанных состояний вовсе не означает, будто одно проистекает из другого. Эти штуки вообще не взаимосвязаны. Никак!

Не то чтобы автор сел на табурет, напряг гениальный мозг и всю эту пугающую хрень зачем-то выдумал, а теперь жалеет, что не выдумал чего-нибудь поинтереснее. Напротив, автор ничего не выдумывал, а радостно записывал все, что с условного неба на него валилось. В итоге автор написал книжку и был ею очень доволен, а какое-то время спустя внезапно пришел в себя, как после тяжелой болезни, отягощенной бредом и галлюцинациями. Просто болезнь эта протекала в пространстве текста, и бред с галлюцинациями (точнее сказать, морок) тоже касались только текста.

С тех пор автор с недоумением смотрит на эту страницу своей биографии и периодически спрашивает себя голосом дебильного мальчика из анекдота: «Мама, фто это было?»

Мама молчит. Не знает.

Пока мне более-менее очевидно только одно: эта книжка стала чем-то вроде выкупа из московского плена. В том смысле, что закончив ее, удалось наконец уехать из Москвы, где мы прожили 11 лет, и стоило только начать смотреть куда-нибудь в сторону с целью навострить лыжи, как обстоятельства тут же складывались таким образом, что уехать не удавалось. Как только вышла «Жалобная книга», так сразу все и сложилось. Мгновенно. И очень легко.

Зачем все это нужно было городу Москве – отдельный вопрос. Ответа на него у меня пока нет. Может быть, ей просто понравилось, как о ней написали в «Энциклопедии мифов», и она хотела продолжения банкета?

Зачем это было нужно автору, я тоже не знаю. Ну, разве что, опыт, чтобы больше мороку не поддаваться? Может быть, так.

Зачем это было нужно накхам, которых на самом деле нет? Интересный вопрос. По крайней мере, книжка уже столько лет назад вышла, а их все равно нет. И это хорошая новость.

Что же касается читателей, им просто следует относиться к «Жалобной книге», как к чужой выдумке (как вообще-то и принято относиться к беллетристике). Если не верить каждому написанному там слову, а просто получать (или не получать) удовольствие от описанной там странной истории, все сразу встанет на свои места: книжка как книжка. Интересная вполне. Общий наш с вами страшный сон, один на всех.

Нет, не сбудется.

Вопрос читателя: Мне кажется, (тогда еще, много лет назад показалось), что жадность накха – это жадность писателя. Острое любопытство к чужой жизни и желание войти в другого, и прожить его, если уж не к обоюдному удовольствию, то как придется. Это верно?

М.Ф.: *Если уж прибегать к такой метафоре, то, скорее, жадность читателя, по-моему. Все-таки накх не создает биографию жертвы своими руками, а лопает, что дают.*

Чашка шестая
«Няпиzдинг, сэнсэе»

Об осознанности

В этот раз мы решили просто поговорить – вся книжка «Няпиzдинг, сэнсэе» сложилась из разговоров, так почему бы не продолжить ее разговорами еще немного.

Можно считать, что к ней добавились дополнительные три-четыре страницы, такое вот уникальное издание.

А навел нас на эту мысль вопрос.

Очень простой, очень сложный, говорить об этом можно бесконечно, да так ничего не сказать и в то же время что-то сдвинуть в общей картине мироздания.

Вопрос читателя: Осознанность. Что это такое? Определенный вид восприятия? Способ фокусировки внимания? Осознанность – она либо есть, либо ее нет? Или бывают степени осознанности?

Я: Давай поговорим об осознанности как о состоянии. Готовых рецептов нет. Но есть одна штука, действительно общая для всех, и я очень хочу услышать, что ты о ней скажешь. Я говорю о наблюдателе. В какие моменты он вдруг берет и возникает. Как действует. Насколько он ты сам и насколько же не ты сам. Что у него от тебя есть и чего у него твоего совсем нет.

М.Ф.: *То, что мы, не зная, какое подобрать слово, называем «наблюдателем», оно – «я» и есть. Никаких других «я» у меня при себе нету.*

Потому что «наблюдатель» – это и есть сознание.

Отдельный интересный вопрос, почему мы вынуждены подыскивать название для этой штуки вместо того, чтобы просто назвать ее «я». Беда в том, что определение «я» уже занято черт знает чем.

Я хочу сказать, когда человек (и я тоже) говорит: «я», – он обычно имеет в виду свою личность, иначе говоря, ту часть себя, с которой его ум хорошо знаком.

Я бы сказал, что есть масса относительных «я» и только одно – абсолютное, что никак не отменяет присутствия относительных.

Да, хорошая поправка. Чего только не присутствует. И любое относительное «я» – очередная маска, дежурная личность. Хорошо если рожденная сознательно, под конкретную задачу, но, будем честны, обычно «получившееся само», т. е. сформированное совокупностью опыта, химии организма и прочих факторов – так вот, любое относительное, получившееся как бы само «я» человек обычно искренне принимает за чистую монету. И любое из этих относительных «я» обычно знакомо человеку куда лучше, чем «я» абсолютное, т. е. сознание. Потому что оно, сцуко, спит. И счастье, если видит при этом хоть какие-то сны – в смысле, имеет хоть какой-то контакт с происходящим здесь и сейчас.

Мне вообще кажется, что в том и состоит основная задача всякого проходящего квест «человеческая жизнь» – тормошить эту штуку. В смысле, наблюдателя. То есть себя. Ужасно интересно в этом смысле все устроено – все, натурально все вокруг заточено под более и более глубокое усыпление сознания. Но те, кому повезло однажды сформулировать запрос на его пробуждение, подтвердят, что благодаря самой постановке вопроса все усып-

лявшие прежде факторы, начиная с телесной немощи и заканчивая информационным полем вокруг, начинают работать на пробуждения сознания. Вектор развития события зависит от человеческой воли, иначе задача была бы невыполнима.

Для меня всегда самым интересным был вопрос, каким образом мы вдруг среди всех прочих «я» определяем то самое абсолютное? Если убрать гипотетического учителя с палкой, вышибающего на мгновение дух из ученика (я всегда считал, что именно это мгновение дает возможность встретиться с абсолютным «я», пока остальные в отключке), такого учителя еще пойди найди. А вот ты можешь рассказать, что, условно говоря, «вышибает дух» из тебя? Я сейчас, конечно, не о «пойти на перекресток, дождаться ветреного дня, задрать голову вверх и ощутить бездну у себя над головой». Я скорее о чем-то, довольно близком к игре в бисер. О некоем стечении обстоятельств, случайном или нарочном, которое пробивает не хуже палки учителя.

Ты понимаешь, какая штука. Я плохой отвечатель на такого рода вопросы. Потому что у меня с сознанием проблем никогда не было. Оно всегда было довольно близко к поверхности. И очень живое. Я хорошо помню свое раннее детство, когда я – это было именно «я». Очень слабенькое, беспомощное, как после тяжелой болезни (на самом деле, как потом оказалось, в ее начале, потому что человеческая жизнь – определенно тяжелая болезнь сознания), но совершенно живое. Скажу больше, никаких других «я» в ту пору не было. Потом они формировались натурально у меня на глазах. Я до сих пор помню многие процессы, вся разница между мной-сегодня и мной-тогда в том, что сегодня «я» лежит гораздо глубже под всеми этими… э-э-э… культурными слоями, зато оно обучено о себе говорить. И для «я» это спасение, потому что говорение – хорошая работа для сознания. В полной коме о себе особо не поговоришь. Строго говоря, почему мне так в жилу все эти писательские практики: пока я формулирую, я – это совсем я. Почти без вредных ароматизаторов.

Но в этом смысле люди очень по-разному устроены. Единственное, что действительно нужно всем – это паузы, уединение, возможность выскакивать из потока повседневности (в том числе и приятной, праздничной повседневности, а не только из каких-нибудь бытовых рутин).

Но соблюдение этого условия ничего не гарантирует, конечно.

Единственная гарантия – это воля. При условии, что она несокрушима, а это, увы, тоже не факт.

По-моему, это очень хороший ответ. Ответ «пишите, стараясь формулировать потщательнее» гораздо лучше, чем «идите в полночь на перекресток» и так далее. Хотя бы потому, что «пишите» – это не разовое действие, а довольно упорный и часто нудный труд.

Это не всем подойдет, я точно знаю. Более того, это подойдет очень и очень немногим.

Говорение, понимаешь, годится (наверное) чувакам вроде меня, у кого какой-никакой контакт с собой уже есть. С детства, когда он был чем-то само собой разумеющимся, а инструмента для обсуждения этого с собственным умом (слов) еще не было. Им есть, куда строить мост из слов. Но никакой мост не поможет тому, для кого пока нет другого берега. Это будет мост из чепухи, ведущий никуда. И, кстати, наличие множества таких мостов из болтовни-ни-о-чем дискредитирует и обесценивает подлинные мосты.

Советовать всем подряд писать – то же самое, что советовать всем подряд принимать психотропные вещества. Которые действительно очень полезны тем немногим, у кого все так удачно совпало, что и «я» более-менее не в коме, и химия организма такова, что вот это вещество обеспечит нужной силы удар. То есть один человек из, условно говоря, милли-

она, получит просветление. Еще сто тысяч чокнутся, семьсот тысяч захотят продолжения банкета, остальные помрут. С писаниной не так очевидно, как с наркотиками, и последствия кажутся более безобидными, но тупик есть тупик, как бы он ни выглядел со стороны.

Писать полезно не всем. Вот просто не всем, поверь! Для многих это дополнительная активизация ума, и без того беспокойного. Антимедитация. Ничего смертельного (обычно), просто пустая трата времени.

Очень многие люди, которые помнят себя в раннем детстве (условно говоря, до пяти лет), вспоминают, как они могли подолгу сидеть, пырясь в одну точку. И как подолгу смотрели в окно, раскосив глаза, или напротив, скосив их к переносице. Все они помнят, что это было самым прекрасным и приятным состоянием, все сокрушаются, что с возрастом утратили и дар легко входить в это состояние, и привычку к такому занятию, и потребность в нем. Все с возрастом все чаще это вспоминают и пытаются воспроизвести (скорее, надеются, что со временем начнут пытаться, мы – люди, мы инертны). Все это я к чему. Да к тому, что многие дети умеют медитировать, как дышать. Может быть, вообще все, просто в разной степени. Может быть, не все (потому что все-таки очень разный уровень развития сознания у всех рожденных людьми), этого я пока просто не знаю.

Вот пишу тебе про медитацию и с ужасом вспоминаю, что многие люди, походившие в разные йога-студии и прочие семинары из серии «путь к себе», уверены, что «медитировать» – это «думать о хорошем». Мама дорогая! Тогда как медитация – это же остановка ума. Все знают, как трудно перестать думать, но трудно – если надолго. Все, кто пробовал, знают, что на пару секунд вполне можно задержать мысли, как дыхание. Этой малости может оказаться достаточно, чтобы столкнуться с «наблюдателем», осалить его, зафиксировать.

Это то, что может стать «другим берегом»? Ну, для начала?

…Я не знаю, что ответить на твой вопрос про «другой берег». В смысле, что будет совсем правдой. Наверное, правда в том, что для кого-то – да, отличное начало! А для кого-то – нет, разочарование и потерянное время. В чем эти, блин, красавцы (люди) действительно разные – так это в способах достижения внутреннего молчания. Кому-то, понимаешь, резкого перепада атмосферного давления в похмельное утро достаточно. А кому-то десятилетия практик до фени.

Тогда давай поставим вопрос вот как: что означает «тормошить»? Где еще можно столкнуться с внутренним наблюдателем? Ну вот учиться – в любом возрасте, причем желательно у учителей, а не самому, чтобы границы ставили извне, – это точно «тормошить». Для многих – ездить, хотя это тоже не универсальный метод. А еще?

Ездить, кстати, очень мало кому на пользу. К сожалению! Для большинства поездки – это информация-информация-информация, ум возбуждается, и «я» из-под его воплей вообще не слышно. Это не означает, что ездить не надо. Надо. Но не называть это «духовной практикой», а честно сказать себе, что это просто такое удовольствие.

А что насчет «разных степеней осознанности»? Существуют они или нет?

Степени осознанности! Это очень смешной вопрос, но одновременно и удачный. Потому что на него можно ответить: не степени! не степени, а сроки! Одна секунда каждый день – это уже немало. Минута осознанности в день – очень круто. Я не смеюсь сейчас. Просто настоящая осознанность – это гораздо сложней и глубже, чем кажется. Это не просто пони-

мать: «сейчас я зол потому-то и потому-то, а вести себя надо так-то». Это – присутствовать в своей человеческой жизни полностью. И без посторонних.

…Многие, понимаешь, действительно считают «осознанностью» просто способность отдавать себе отчет в своих действиях (их мотивах, причинах и т. п.) Но это вовсе не осознанность, это дисциплина ума. Штука совершенно необходимая, кто бы спорил (хотя, кстати, далеко не всем, разные бывают люди). Но осознанность – это совершенно другое. Она не имеет отношения к уму (и поэтому протискивается в редкие щели его молчания). Осознанность имеет отношение к совершенно непознаваемому. Причем непознаваемому для ума, который – просто инструмент познания мира, обычно рассказывающий себе, что он и есть владелец инструмента, заказчик. Ну и обслуживает собственные интересы, работает на себя. Вот поди объясни такую штуку при помощи ума (который необходим для формулировок) людям, которые будут все это читать тоже при помощи ума. Все равно как заключенным через стенку перестукиваться – только когда охрана дремлет.

Этим, собственно, мы и занимаемся во время подобных разговоров. Наши «наблюдатели» перестукиваются через стенку. А охранники (наши умы) вопят: это просто так шум, потому что в здании старые перекрытия и вообще крысы! Не слушайте! Это не значит ничего! Вот, кажется, только этим я и занимаюсь: стучу во все стены подряд, пока бдительная охрана (умы читателей) уверяют их, что никакого смысла в этом стуке за стеной нет.

Чашка седьмая
«Ключ из желтого металла»

О Праге и об игре

История о настоящем баловне судьбы, между прочим.

История о том, как им стать, как удержаться на этом поприще и как продолжать доверять себе, миру и вдохновению даже тогда, когда смысл жизни, такой очевидный, оказывается не внутри и не снаружи, а где-то в неуловимом фокусе, неверном и дрожащем, как солнечный заяц.

Заяц мечется, скачет, не дается в руки, но воспламеняет все, на чем задержится чуть дольше, чем на минуту.

«*Пусть играет, пусть. Пусть пугает, пусть сбивает с толку, пусть не разъясняет правил, – шептал я, прислонившись спиной к теплым от солнца камням Тынского храма. – Только бы продолжал играть, лишь бы Ему не надоело, хоть бы не передумал, не отвлекся на что-нибудь другое, потому что я уже не хочу жить как-то иначе. И, кажется, не смогу*».

Очень полезное, между прочим, заклинание, и очень сильное.

Но, по моей прихоти, говорить я сегодня буду только об одном герое этой книги, а также герое сотен других книг. Я в нем живу, в этом герое.

Это заклинание, обладающее неимоверной силой, – потому что Он играет всегда, даже если отвлекается на что-то другое, – точно так же верно для Праги-как-героя, в которой разворачиваются эти события и еще множество других событий других книг. Она играет всегда.

Я живу в ней уже шесть лет, видел ее всякой, даже с высокой водой.

А до того – пробирался по ее узким и темным улочкам на множестве страниц прочитанных книг. Поэтому когда я здесь поселился, я некоторое время чувствовал себя эдаким книжным героем – такое иногда бывает в осознанных снах, ведешь себя сквозь реальность, в которой возможно все, и в то же время понимаешь, что это просто чей-то роман, отличный, к слову, роман, то ли детектив, то ли мистика, то ли кулинарно-архитектурный справочник, а ты в этом пространстве – как рыба в воде, но в любую минуту может случиться все, что угодно.

В Праге вообще хорошо побыть литературным персонажем.

Потому что у литературного персонажа непременно есть автор, и бывает очень интересно проследить за этим самым автором из пространства той книги, которую он пишет. Потому что автор, разумеется, тоже я.

А Прага – пространство, декорации и самый честный игрок на свете.

Я жил в чрезвычайно интересных городах. Некоторых – несомненно литературных. Я имею в виду города, которые активно вмешиваются в книги, где хотя бы упомянуты. Вот Питер, например. Абсолютно литературный персонаж. Но с ним играть надо очень аккуратно, хотя бы потому, что он довольно часто жульничает.

Венеция – не просто жульничает, она получает от этого огромное удовольствие.

А Прага играет предельно честно. Вот какие правила сам установишь, такие и будут. Она как тот ангел-хранитель из анекдота: «Так, жена – стерва, начальник – козел, дети – грубияны. И зачем ему все это? Но выполнять придется».

Скажешь Праге – хочу мучиться и видеть за каждым фонарем беспросветную тьму! Пожалуйста. Вот тебе мучения, вот тьма, все, как скажешь.

Скажешь – хочу мистики бессмысленной! – будет мистика бессмысленная. Скажешь – хочу смысла в каждом жесте, в каждой тени, – будет смысл.

Удивительное место.

Собственно, я совершенно уверен, что нигде больше ключ от дверей Гекаты найтись-проявиться не мог. Такое место. Кладешь слова – получаешь живое.

В этом смысле Прага – какой-то дальний родственник из клана Аддамсов. Чем эта семейка так прекрасна и притягательна? Да прежде всего тем, что их декларация совершенно не расходится с действительностью, во-первых, а поддержка членов семьи всегда абсолютна – во-вторых.

«Кальпурния Аддамс! Венсди все про нее знает, она ее просто боготворит. Кальпурния танцевала голой на площади и соблазнила священника, после чего была сожжена на костре как ведьма. Но вы, пожалуйста, не беспокойтесь, мы Венсди сказали: сначала закончи колледж».

И дело совершенно не в том, что они – маньяки-убийцы, хотя они (и Прага тоже), несомненно, маньяки-убийцы. Маньяк-убийца Дебби, которая не в силах признаться самой себе, что ей нравится убивать, никак не вписывается в клан и терпит полное поражение – потому что постоянно требует считать ее милой пай-девочкой, которую просто поставили в невыносимые условия.

Прагу нельзя поставить в невыносимые условия. Она сама кого хочешь в такие условия поставит.

Но она умеет играть.

И она очень азартный и честный игрок.

Причем, как всех действительно очень сильных игроков, процесс ее волнует гораздо больше, чем результат.

Можете как-нибудь попробовать встать под Орлоем или на узкой улочке и как можно убедительнее предложить: «пошути со мной».

Мало не покажется.

А теперь вопросы.

Вопрос читателя: Пан Болеслев очень убедительно просит у Фила ключ, рассказывает душераздирающую историю о близнецах. Вполне понятно, что Фил готов отдать ключ, который изначально не был чем-то жизненно важным для него. Но оказывается, что так делать ни в коем случае нельзя. Вопрос: как??? Как отличить то, что ни в коем случае нельзя отдать кому-то, оно предназначено тебе, оно для тебя, и ты для него – как ключ и замок – от того, чем нужно и можно поделиться, чтобы поддержать, спасти другого.

История ведь не о том, что «не дай никому ключ». То есть понятно, что ключ настоящий всегда создаешь сам. Но при этом изначально-то ему представляет Болеслев ситуацию так: у тебя есть то, что для меня является желанным ключом. Помоги. И если бы не сон, то естественно в этом случае таки помочь. Как не отдать свои ключи, кому не надо (бесполезность их в данном случае очевидна, но ведь бывает и правда ключ в твоих руках), но при этом же не превратиться в жлоба, который просто никому ничего никогда?

М.Ф.: *Ну так нет же единого рецепта для всех. Потому что единого рецепта для всех не бывает. Все остальное бывает – то есть вообще все, прикиньте: драконы, черти, ангелы, колдуны, инопланетяне, подснежники в декабре, священный Грааль, лиловые динозавры и неразменные пятаки. Но только не универсальный рецепт правильного поведения во всех ситуациях. Человек рожден на этой прекрасной земле специально для того, чтобы пробовать, ошибаться, рисковать, набивать шишки, все портить, спасать ситуацию в последний момент, погибать под руинами, воскресать и сразу садиться на кнопку на глазах у заинтересованной публики, прибывшей полюбоваться воскрешением. Если кто-нибудь скажет вам, будто обладает тайным знанием, позволяющим избежать подобных ошибок, сразу вызывайте санитаров.*

Как говорил персонаж другой книги, которую мы будем обсуждать не сегодня, а когда-нибудь потом: «Горе тому, кто посвятил себя изучению магии и при этом не знает, что такое вдохновение!» Только «изучением магии» следует считать не манипуляции с волшебной палочкой, а всю человеческую жизнь в целом. Потому что именно этим мы с вами тут и занимаемся, хотим того или нет. Такие вещи о себе лучше знать, потому что осознание их придает дополнительную глубину и смысл всем нашим поступкам, включая ошибки, которые, повторю, совершенно неизбежны.

А теперь, когда мы с вами худо-бедно смирились с отсутствием универсального рецепта, я вам его все-таки дам. Это очень простой рецепт, хотя на практике часто оказывается трудновыполнимым: следует слушать свое сердце и одновременно – весь мир. Поодиночке эти советчики могут ошибаться (вернее, быть неправильно понятыми), но в дуэте никогда не подведут. И полезный разъяснительный сон пошлют, будьте покойны. Ну или еще каким-нибудь способом выскажутся, с учетом способностей и склонностей клиента. И слушая их, в «жлоба» не превратишься, этот минимум нам гарантирован. Потому что жлоб уж точно руководствуется в своих решениях не сердцем, а личной корыстью. Ну или просто реализует хватательный рефлекс. Получив совет слушать сердце, жлоб будет гыгыкать или вежливо кивать, в зависимости от полученного воспитания, но в любом случае не поймет, о чем вообще речь.

И напоследок хорошая, обнадеживающая (хоть и разочаровывающая отчасти) новость. Пока человек не готов слушать свое сердце и весь мир, хрен ему в руки попадет мало-мальски серьезный ключ. Максимум – иллюзия, будто такой ключ у него есть. Но какая разница, как распорядиться иллюзией, от которой никакого проку, кроме дополнительного повода поговорить?

То-то и оно.

Вопрос читателя: У меня есть просьба к автору: еще раз поговорить о том, когда дверь – не дверь.

М.Ф.: *Штука в том, что дверь – всегда дверь. Зачем усложнять? Просто за разными дверями нас ждут разные вещи. Дверь – хороший символ, понятная метафора, но это совершенно не гарантирует, что наши ожидания, связанные с дверью, непременно будут оправданы.*

Ожидания – это та еще бомба, честно говоря. Знали бы вы, как много настоящих чудес и шансов упускает каждый человек в те моменты, когда сталкивается с чем-то, не соответствующим его ожиданиям. А за дверью они скрывались, или просто посреди улицы валялись – дело десятое.

Вопрос читателя: Нужно ли было стрелять в Абалкина?

Спрашиваю потому, что, кажется, в какой-то из книг уже было об этом.

М.Ф.: *Не помню, честно говоря, в какой книге и что именно было на эту тему, и Абалкин, вообще-то, не имеет отношения к предмету текущего разговора, но стрелять в него, конечно, было не надо. Стрелять вообще лучше пореже, хотя руки порой чешутся, я понимаю это, как никто.*

Но вообще, для меня «Жук в муравейнике» (любимая моя книга Стругацких, пожалуй) – такой символический роман о несостоявшемся просветлении, где Экселенц – ум, который, как известно, охотней убьет носителя и себя вместе с ним, чем согласится допустить выход на новый уровень развития, где ему (уму) будет отведена служебная роль.

Вопрос читателя: Мне показалось, что в книге фактически никто и ничто не противодействует Филиппу? Это же удивительно!

М.Ф.: *Неудивительно!*

Все препятствия создаются на его пути исключительно для того, чтобы еще больше раззадорить, чтобы он не бросил свою затею, то есть – помогают.

Так, кстати, всегда кажется, пока смотришь на чужие приключения со стороны. Потому что главное противодействие обычно идет изнутри. Да и внешние противодействия чаще всего – просто наглядная материализация последствий внутренней борьбы. Мы (люди) всегда меняем мир (как минимум, ближний), и редким счастливчикам удается делать это сознательно, хотя бы иногда.

Мне кажется, с книжными персонажами все-таки проще, потому что у читателя есть возможность за их внутренней борьбой проследить. Но это почему-то не помогает. Видимо, люди склонны обесценивать чужую внутреннюю борьбу, особенно если она не сопряжена с необходимостью ходить на постылую службу и прочими проблемами такого рода.

Вопрос читателя: А если бы из двери выскочил Ктулху и всех сожрал? В чем секрет, как открывать двери, чтобы Ктулху не вылез? Это Филипп – такой особенный, правильный парень (да, я думаю, что и это тоже. В конце концов, он же смог вывести автобус!) Или это просто – хорошая, правильная дверь? А как ее отличить от условно «плохой», за которой – беда?

М.Ф.: *Если и есть секрет, то он совсем простой: поменьше думать о Ктулху. Ну, то есть на самом деле вообще о нем не думать. А если думать, то не испытывая страха, как о нейтральном погодном явлении. Ну да, может за дверью обнаружиться ветер, дождь или Ктулху, нормально, работаем с тем, что есть.*

Потому что Ктулху страшен, только пока мы его боимся. Точнее так: Ктулху – это порождение нашего страха. И пока мы находимся в его власти настолько, что не можем прогнать его образ из собственной головы, никаких дверей нам открывать не следует. Даже дверь уютной домашней уборной, особенно в темноте. Потому что Ктулху, несомненно, уже там. Доедает наш месячный запас туалетной бумаги с запахом маргариток.

Сперва бесстрашие, основанное на полном и беззаветном доверии ко всему происходящему с нами, а потом двери. За всякой дверью, открытой в страхе перед бедой, нас будет поджидать беда. Это очень важное правило техники безопасности. Хотя соблюдать его бесконечно трудно, это я понимаю совсем не абстрактно, а опираясь на опыт – собственный, в том числе.

Вопрос читателя: Как и когда открылась дверь в этой (нашей) реальности? Она открылась?

М.Ф.: *Она еще открывается. Это очень долгий процесс (все самые важные события парадоксальным образом растянуты во времени и не могут считаться окончательно свершившимися еще долгие годы после своего завершения). И каждый из нас может помочь его правильному течению – доверием к процессу и личным бесстрашием перед ним, о котором мы тут так много говорили.*

Чашка восьмая
«Властелин Морморы»

О важности хорошего вкуса

«Многие говорят правду. Но в отсутствие вкуса это – сплошная беспомощность».
Чарльз Буковски

Давно, знаете ли, пора.

И дать мое определение вкусу, и поговорить о том, почему вкус – это так важно, чуть ли не решающе. Если у человека есть вкус, у него есть шанс выбраться из самой незавидной ситуации – не просто живым, живыми многие выбираются, но целым.

Если исходить из самой тяжелой и самой насущной задачи, которую необходимо решить человеку в течение своей жизни, то воспитание вкуса – как раз и будет тем самым универсальным инструментом, который для этого отлично приспособлен.

А задача эта очень проста: проживая все травмы жизни, пережить травму смерти.

Я уже много раз говорил о том, что такое травма, скажу еще раз: любая травма – это нарушение целостности. Неважно, физическая или эмоциональная, первое, что мы чувствуем при получении травмы – мы чувствуем разрыв собственной целостности. Это выражается в утрате связи с самим собой, в обесценивании себя и всего своего опыта (какой вообще в чем смысл и прок, если сию секунду так больно), в панических и хаотических реакциях.

Вы спросите, при чем тут вкус. А вот при чем.

Каким образом при получении травмы восстанавливается целостность?

Как можно вернуть себе же свою ценность, ведь к этому (сию секунду, когда больно) нет никаких предпосылок, никаких оснований.

Если тебя, слабак, можно ранить так сильно, ты – не ахти какая ценность. Вообще-то.

А теперь подумайте минуту, что, собственно, обслуживает эстетическое чувство. Прежде всего и перво-наперво. Избыточную, неоправданную, легкоразрушаемую красоту, которая не несет никакой функции, кроме отражения гармонии – в той или иной степени.

Смогли бы мы обойтись без всего того, что связано с понятием «хороший вкус»? Без музыки, сложной к восприятию. Без живописи, не имеющей никакого утилитарного назначения, той, которая не часть декоративно-прикладного искусства, а которая – все вот эти вот направления и стили, часто вообще не воспринимаемые ничем, кроме какого-то странного пятачка сознания, да и тот – то потухнет, то погаснет. Без красоты, которая не обслуживает функциональность.

Да обошлись бы. Выжили бы. Для выживания что особи, что вида – в красоте нет необходимости, она всегда появляется тогда, когда грань «лишь бы выжить» смещается в сторону «а что еще, кроме просто выжить».

К ценности этой не-функциональной красоты нет никаких оснований. И все же мы не сомневаемся в ее ценности, если у нас развит вкус.

…Вкус – это воспитание внутри себя стержня, который дает возможность отделить себя самого, свои потребности, страсти, страхи, все сиюсекундное – от чего-то, что больше, чем

просто потребность, просто сиюсекундная эмоция. Отделить гармонию от пользы. И не требовать, чтобы гармония непременно была полезной, применимой лично к нашим нуждам, хотя наоборот – почему бы и нет, дело не лишнее.

И вот когда ребенок видит красоту в окружающем мире, красоту, которую он может узнать и объяснить, почему это красиво – это тоже очень важный момент, он связан с усвоением опыта и эмоций – у него воспитывается вкус. Он начинает разделять «это красиво» и «я это хочу для себя (потому что это поможет мне выжить)». Он начинает присваивать ценность тому, что лично для него его персональной ценностью не является.

Начиная с узора на крыльях бабочки и заканчивая Саграда Фамилия, невозможному с точки зрения архитектуры собору в центре Барселоны.

Удивительное дело, но тем, кто это умеет, гораздо легче при травме восстанавливать собственную целостность и ценность. Не говоря уже о том, чтобы видеть эту целостность и ценность в окружающих.

Умение разделять гармонию и пользу, умение восстанавливать целостность своего «я» в считанные секунды после нанесенного удара – это куда важнее и серьезнее, чем умение не получать эти самые удары. Потому что даже если избегать травматических ситуаций всю жизнь, рано или поздно столкнешься с потерями, с болезнью, со смертью, наконец.

Чем, собственно, занимается Лаздей, человек, лишенный вкуса напрочь, с моей точки зрения.

(По определению автора, он еще и садист, но даже если убрать его садизм, все равно останется тот самый кадавр Выбегалло, единственная цель которого – захватить побольше материальных ценностей, закуклиться и остановить время. Только бедняга Лаздей даже на это не способен по той простой причине, что ему нужна публика. Он не способен оторвать себя от фона, на котором он выигрышно смотрится, потому что сам по себе в собственных глазах этот горе-маг не имеет никакой ценности. Это удивительно, но это так.)

Лаздей удовлетворяет самый простые, самые детские потребности. Ему необходимо кормить собственную значимость – иначе она съест его самого. Ребенок, объятый чувством собственной значимости, моментально доводит до сведенья окружающих все свои потребности – потому что сам не может их удовлетворить, он не может сам поесть, сам успокоиться, часто даже заснуть сам не может. По мере роста (и воспитания вкуса, если повезет) ребенок учится знать, что если он чего-то хочет, неудовлетворение этого желания его не убьет. Можно подождать, можно чем-то и поступиться – и это не убавит твоей собственной ценности, наоборот.

Так вот, Лаздей, бедолага, застревает в том состоянии, в котором отказ окружающих удовлетворять его потребности означает умаление его ценности. Если у кого-то есть, а у него нет – он хуже, беднее, обделеннее. Не умея отделить ценность от пользы, он совершенно искренне ни во что не ставит, к примеру, силу человеческого духа. Не говоря уже о таких вещах, как привязанность и сострадание.

Жалкое, должен я сказать, положение.

Тотальная зависимость от людей, которых ты сам же и презираешь.

Что может быть беспомощнее.

…И ответы автора. В том числе и про вкус. Тут интересно вышло. Я получил ответы раньше, чем написал текст. Поэтому пусть у вас будет два варианта определения вкуса. Пусть у нас всех будет два варианта. Они оба более чем правдивы, но дают возможность более широкого охвата. Вообще, метафора (а вкус из тех понятий, что можно объяснить только метафорически) – ключ к пониманию мира. А метафора без широкого охвата невозможна как прием.

Вопрос читателя: Возможно ли было жителям Морморы «проснуться» самим, если бы не добрый дядя Джуффин? Потому что когда Джуффин рассказывает о «параде-алле», устроенном на улицах Морморы, то оно ж даже смешно. Но понимаю, что без его ироничного голоса за кадром, а в твоем собственном сне было бы не до смеха. И все же – они могли бы сами освободиться из этого кошмара?

М.Ф.: *Нет, я не думаю, что жители Морморы (на самом деле, не Морморы, конечно, а вольного города Гажина) могли бы сами освободиться от кошмара. И «добрый дядя Джуффин» – это в данном случае не совсем правильно сказано. Акцент в данном случае следует делать не на том, что дядя Джуффин именно добрый. Для дела важно, что он умный, умелый и азартный. И очень могущественный. Это, собственно, всех и спасло. Штука в том, что человек обычно не в силах самостоятельно справиться и с гораздо меньшим страхом. С такой пустяковой проблемой, как, скажем, боязнь пауков к специалистам идут. А если не идут, продолжают бояться пауков всю жизнь. А теперь вспомните, что жителей Гажина били страхами адресно, по самым уязвимым местам. Бороться с этим страхом смогли единицы. Сколько призраков людей, убитых Лаздеем Махикалой за попытку сопротивления, в финале собралось в местном Тайном Сыске? То-то и оно. Вот таков процент горожан, обладающих достаточной силой духа, чтобы противостоять страху. Думаю, пропорция вполне правдоподобная, если не оптимистическая: на активное и добровольное (то есть, без приказа сверху о всеобщей мобилизации) сопротивление злу, к сожалению, всегда способно меньшинство. Добавим, что этим людям не хватило знаний и могущества, чтобы победить наваждение, так партизанам часто не хватает оружия, чтобы эффективно бороться с оккупантами. Так что нет, без посторонней помощи жители Гажина это зло не одолели бы; другое дело, что не будь Джуффина, за дело пришлось бы браться каким-нибудь другим специалистам, как минимум того же уровня. Иных шансов нет.*

Вопрос читателя: Почти в самом конце Джуффин говорит о тайне паутины на небе Темной стороны, которую сотворил Лаздей. Из этой паутины Джуффин потом сплел Макса?

М.Ф.: *Хорошая идея. Но нет, насколько мне известно, никто никого из паутины не плел. Паутина эта нужна для других целей, она – инструмент сохранения или, напротив, искажения участка реальности, соответствующего данному фрагменту Темной стороны. Мне кажется, знать такие подробности о мироустройстве интересно вне зависимости от того, связаны ли они с технологией рождения главного героя.*

Вопрос читателя: Что же такое – вкус? Как бы это объяснить красавцу Лаздею?

М.Ф.: *Что касается хорошего вкуса, мне кажется, тут есть (как минимум) два уровня. На глубинном уровне хороший вкус – это сочетание способности ощущать движение потоков энергии и потребности находиться в гармонии с этими потоками. На поверхностном уровне хороший вкус – фишка сугубо социальная, то есть сочетание знания о том, что в данном обществе в данную эпоху считается проявлением хорошего вкуса и умения применять свои знания на практике. На поверхностном уровне вкус легко (ну, относительно легко) воспитуем – соответствующее образование, внутренняя дисциплина, практические занятия, короче, и сорока лет не пройдет, а хороший вкус у нас уже есть!*

Думаю, что и на глубинном уровне вкус вполне воспитуем, потому что, по идее, существуют всякие практики, которые развивают способность ощущать движение потоков энергии. Ну а что касается потребности, всякий получивший опыт гармонии, будет стремиться его повторить, потому что гармония – это наслаждение.

Возвращаясь к нашему Лаздею, я внезапно понимаю, что развивать в нем вкус наверное лучше не надо. Потому что садист с плохим вкусом хотя бы со стороны (пока он за нас не принялся) смешон. А садист с хорошим вкусом обаятелен. Зачем нам обаятельное зло? Чтобы нам было приятно, когда оно нас пожирает? Спасибо, не надо. Предпочитаю иметь возможность поржать напоследок (и возможно, таким образом победить пожирающее меня зло).

Возникает закономерный вопрос: но если можно развить вкус на глубинном уровне, там, где энергии так сладки, а гармония упоительна, почему бы не сделать это с Лаздеюшкой? Совершенно невозможно оставаться садистом, сливаясь с гармонией.

Так вот. Плохая новость состоит в том, что мировой гармонии нет никакого дела до наших представлений о добре и зле. На то она и гармония, чтобы включать в себя абсолютно все. Все потоки силы, всех существ, преобразующих эту силу в действие и строящих этим действием себя. Я хочу сказать, что можно наслаждаться гармонией, будучи садистом. И человек, по каким-то причинам попробовавший однажды такой способ, вряд ли согласится измениться, потому что наслаждаясь мучительством, он одновременно наслаждается своим местом в общем космическом танце, а от таких ощущений добровольно не отказываются. Отдельный вопрос – с какой стати человек попробовал именно этот способ? Почему не выбрал наслаждаться чем-нибудь более приятным и безопасным (для окружающих)? Но штука в том, что никогда мы не открыты для диалога с миром в такой степени, как в раннем детстве, и первый, самый сильный и впечатляющий опыт, полученный в практически бессознательном состоянии – вполне лотерея.

Поэтому очень часто оказывается, что уже к трем (например) годам человек обладает персональным опытом достижения гармонии. И, совершенно не осознавая этот опыт, будет сражаться со всем миром за право оставаться таким, каким стал благодаря этому опыту. Другое дело, получится ли у него. Это зависит только от личной стойкости. Многих жизнь ломает, и они становятся нормальными, очень несчастными, не очень жизнеспособными людьми. Ну, зато не садистами. И, увы, не святыми. И вряд ли уже когда-нибудь узнают, кем могли бы стать.

Вот кстати, что наверное на самом деле имеют в виду, когда говорят о «предназначении». Обрести предназначение – это принять ту форму, в которой у нас лучше всего получилось ощутить гармоничное течение космоса и стать его частью. Какая-то часть человека помнит этот опыт и тычется наугад, силясь его повторить. Мало у кого получается на самом деле. Очень мало у кого.

Дух живет, где хочет. И если есть зло (то, что мы считаем злом) – значит, оно пока включено в полный божественный комплект мироздания. И значит, есть злодеи, объективно находящиеся на своем, правильном месте. Я так не играю, конечно, но оно так есть.

В идеале, воспитание должно начинаться на том этапе, когда процесс вписывания в мировую гармонию еще можно перехватить и взять под контроль. Лаздей слишком поздно попал к Джуффину. Не повезло.

Может быть, были бы у него шансы с существом гораздо более опытным и могущественным. Которое могло бы (и захотело бы), например, пересечь Мост Времени и вмешаться вовремя). Теоретически шансы есть у всех. Но иногда – исчезающе малые.

Чашка девятая
«Простые волшебные вещи»

Об очевидном и неочевидном опыте

В эту же книжку, помимо «Простых волшебных вещей», входит повесть «Тень Гугимагона».

Что объединяет эти две истории?

Ну, например, то, что в обоих случаях обучение происходит не методом получения сразу рабочего и полезного навыка (как это обычно бывает во всех остальных книжках цикла Exo: 1. мне дается инструкция – 2. о, я это умею – 3. я с успехом это применяю. Может быть, я как-нибудь еще распишу довольно нетривиальный способ «вырастания» героев цикла, но не в этот раз). Так вот, не методом получения сразу рабочего и полезного навыка, а методом получения бесполезного на первый взгляд и даже травмирующего опыта.

Оба случая происходят не с Максом – ему такой способ обучения недоступен вплоть до «Неуловимого Хаббы Хэна». В первом случае опыт, который ему пока некуда деть, получает Шурф, а во втором – горе-капитан, наследник волшебного платка, придающего невероятную убедительность всему сказанному.

Тело Шурфа (без ведома Шурфа) используется для путешествия между мирами, причем сам Шурф этот опыт не получает (но получает его тело, что важно), более того, в процессе этих путешествий получает массу неприятнейших впечатлений и переживаний. Капитан корабля внезапно обретает навыки оратора-гипнотизера, но лишается их начисто, как только утрачивает талисман.

И вот тут-то бы и поговорить об обучении как таковом.

Нужно, конечно же, быть Шурфом Лонли-Локли, чтобы опыт, который получило тело, остался тем не менее при Шурфе и был отложен в некое хранилище, тщательно помечен «воспользоваться при случае» и никоим образом не протрачен и не забыт. Шурф, как известно, совершенство в смысле воли и организации.

Во втором случае опыт получает куда менее волевая личность, и ему необходим непременный талисман на замену, чтобы хоть как-то исправить ситуацию, в которую его завел заемный, присвоенный навык. И тем не менее можно быть уверенным, что имея талисман, он, скорее всего, благополучно убедит набранную команду, что все отделались очень дешево, а то и наберет себе все-таки доброхотов на то самое плаванье, в которое хотел пуститься. То есть та кроха опыта, которую он получил с присвоенного навыка, будет пущена в ход по крайней мере один раз.

Вот это то, чего большинство из нас совершенно не умеют делать, потому что обучены совсем другому.

Современная педагогика уже много лет пользуется многократным повторением как наилучшим способом освоить материал. И это работает в математике, живописи, спорте – оттачивается один и тот же, многократно один и тот же жест, пока не встанет так хорошо, что превратится в навык, после чего на него можно ставить новый жест и оттачивать уже его.

Но как только речь заходит о жизненном опыте, эмоциях, судьбе – это правило почему-то перестает работать.

Очень мало кто воспринимает эмоции как результат, как схему, которую можно воспроизвести. При том, что получать эмоции как результат мы все отлично умеем. Огромное количество ссор, например, основным продуктом имеет эмоции, которые другим способом не получить, но спросите десять человек, ради чего они ссорятся, и девять из десяти скажут вам «чтобы донести до партнера то-то и то-то», «чтобы улучшить отношения», «чтобы попустило наконец». Особенно, если это эмоции не положительные, а отрицательные – никто не хочет признаваться, что жаждет отрицательных эмоций, это не принято. Но получает. А поскольку отрицает получаемое, результат в целом выходит куда ниже, чем он есть на самом деле. Вернее, воспринимаемый результат получается куда ниже, чем он есть на самом деле, зато невоспринимаемый – растет как снежный ком, и в итоге мы получаем состояние «все плохо», оставаясь якобы в неведенье, откуда же он взялся. Опыт набирается, но мы не можем им пользоваться сознательно. Зато прекрасно пользуемся несознательно. А поскольку в сутках только двадцать четыре часа, то мы очень часто в итоге понятия не имеем, на что они у нас ушли. На эмоции? Бросьте, эмоции не в счет.

Но если бы Шурф из случившейся с ним истории вынес бы только «какой-то гад со стороны сотворил со мной отвратительную вещь, хорошо, что все благополучно закончилось, больше я не хочу об этом думать» – он никогда не начал бы путешествовать между мирами. Правда, тогда бы это был не Шурф.

У Шурфа Лонли-Локли, с его предельной концентрацией, есть одно качество, которое из просто обучаемого человека превращает его в эталон результативного обучения.

Это его доля во всем, что с ним происходит, даже если он при этом без сознания. Что бы с ним ни сотворили, он всегда определит ту часть, которую творил он сам – и всегда запомнит, что именно он делал и с каким результатом.

Собственно, это и есть судьба. Или по крайней мере хороший способ ее построить.

Ну и вопросы-ответы.

Вопрос читателя: Макс говорит Меламори о том, что в случае, когда хочешь на что-то решиться, помогают две вещи – упрямство и судьба. С первой вроде все понятно, а как насчет судьбы? Есть ли какой-то способ понять, чего она от тебя хочет? Что делать, если в месте, где находишься, не слишком приятные условия существования уже созданы, а в каком направлении оттуда двигаться – еще непонятно?

М.Ф.: *Что тут скажешь – слушать надо, что говорят. А говорят, к сожалению, часто довольно невнятно – с нашей точки зрения, точки зрения людей, которым приходится вот прямо на ходу, с середины, учить язык, на котором говорит с нами реальность. Совершая ошибки, набивая шишки, но и успехи делая немалые (тот факт, что мы все еще живы – это тоже большой успех). На самом деле, если быть внимательным, всегда можно увидеть в хаосе окружающих обстоятельств события, отвечающие на наш главный внутренний вопрос, подталкивающие и подсказывающие.*

У меня в последние годы самая любимая техника – просто спрашивать вслух. Вот так честно, вслух, формулировать: «Я не понимаю, что делать, подскажите». Тогда ответы становятся гораздо более четкими, захочешь – не ошибешься.

Хотя иногда требуется очень много мужества, чтобы эти ответы принимать. Они не всегда желанные.

Еще один технический секрет. Штука в том, что следование своей судьбе (призванию, предназначению, как хочешь назови) дает силу, а отказ от следования ей – опустошает. Очень часто, к сожалению, это становится заметно только когда мы уже превращены в руины.

Поэтому тут нужна огромная чуткость. Состояние, которое чаще всего называют «вдохновением», а мне удобней (потому что точнее) называть «горением внутреннего огня» – признак того, что мы на верном пути. Не нужно ждать, пока станет совсем худо. Одно только отсутствие внутреннего огня – признак, что мы заблудились. Чем раньше начнем искать развилку, где это произошло, и менять путь, тем лучше.

Я: Я бы добавил еще, что первым признаком утраты вдохновения – до самого вдохновения часто не доходят, многие вообще не знают, что это такое, – является отсутствие любопытства. Отсутствие не уверенности даже, а хотя бы надежды, что если задать вопрос, получишь на него действительно интересный ответ. Вот когда это исчезает (обычно еще в школе) – нужно очень быстро что-то делать, а то покроешься коркой в два счета, какой уж там огонь.

М.Ф.: *Мне кажется, очень точно про любопытство.*

А вдохновение, конечно же, всем (ладно, почти всем) знакомо по детству – когда игра увлекает настолько, что забываешь вовремя прийти домой, это оно и есть. Внутренний огонь. К сожалению, в рамках современной культуры, его принято гасить – из так называемых разумных соображений. Большая часть процесса умерщвления, именуемого «воспитанием» именно про это. И, как ни жестоко это звучит, выживают (не умерщвляются) только сильнейшие. Те, чей внутренний огонь настолько велик, что скорее допустит гибель своего обладателя (лучшие из нас действительно часто умирают молодыми), чем согласится погаснуть.

Это, понимаешь, такая штука… в детстве этот внутренний огонь горит как бы отдельно от тебя. Он как будто сам по себе, ты не умеешь его ни вызвать, ни управлять им. Настоящее вдохновение – как мастерство. Ты зовешь – и оно приходит. Ты можешь мобилизоваться на что-то, можешь пригасить его, знаешь, как поддерживать. В детстве тебе только показывают, что такое внутренний огонь, что такое состояние, когда он возникает. После этого нужно сделать усилие, чтобы поместить его в себя. Кому-то везет – и они это делают нечувствительно, в игре-обучении. А кому-то – нет. И «уходит детство» равно «уходит вдохновение».

Опыт есть опыт. По крайней мере, мы все можем вспомнить, как это бывает. И знать, чего именно нам не хватает, когда его не хватает. А его не хватает всегда. Мне кажется, кстати, здесь (в реальности, данной нам в ощущениях) это вообще главная фишечка, общая схема работы: получить всего много и даром, насладиться, утратить, нажить негативный опыт, исключающий возможность возвращения дара, вернуть его, вопреки почти полной невозможности, на новом уровне, все танцуют. Здесь, по-моему, абсолютно все так устроено.

Похоже на то, да. Обучение – ни к черту. Педагоги давным-давно вывели, что разовый опыт – почти ничего не дает, необходимо множество повторений, постоянное возвращение к новому знанию, вот тогда оно усвоится. Отлично работает в хорошей школе. Но! Почему-то никто не применяет это к жизненному опыту! Почти никто! Самое большее – совет «хвалите ребенка». Не «дайте ему пережить снова и снова то, за что вы его похвалили», а «хвалите его»!

Ну вот здесь – так. Почему-то. Будь я автором этого проекта, можно было бы сейчас сказать, что доживете до моих лет, поймете, в чем была фишка. Ну, черт его знает, может и поймем.

Вопрос читателя: Можно ли поподробнее о том, что такое Сердце Мира? А есть ли что-то похожее у нашего Мира или их физиология разительно отличается?

М.Ф.: *Как я понимаю, структура наших реальностей действительно разительно отличается. В смысле, ничего похожего на Стержень Мира и Сердце Мира (места, где стержень выходит, условно говоря, на поверхность), у нас нет. Что такое Стержень Мира, можно только предполагать (потому что даже тамошние ученые отвечают на этот вопрос недостаточно полно и убедительно, поди такую информацию в человеческую голову умести). Похоже, Стержень Мира – это мощный поток энергии, настолько созидательной, что на этом потоке эдакой омелой родилась вполне себе материальная реальность, населенная кем-то вроде людей.*

Что касается обратной стороны Сердца Мира, о ней мы пока не знаем почти ничего. Доподлинно известно, что там был Угурбадо, известно, в каком виде и с какими способностями он оттуда вернулся. Вкратце, там его слабость стала его силой, а все ресурсы, как я понимаю, были доведены до полного (индивидуального, конечно) максимума. Но один Угурбадо – это все-таки слишком мало, чтобы делать выводы.

Я подозреваю, что загадочные маги древности, о которых так много, восхищенно и невнятно говорят разные великие люди современности типа Джуффина, ходили на обратную сторону Сердца Мира – иначе с чего бы они были такими крутыми. Явно отточили себя об хорошее, годное точило. Но пока это – просто догадки. Что там на самом деле и прояснится ли этот вопрос, я пока не знаю.

Вопрос читателя: Как выглядит ремесло в Ехо? Вот эти самые простые вещи, которые становятся волшебными? Нет ли в Холоми специальной камеры, в которую пускают лучших ювелиров, чтобы они могли поработать совсем без магии? И другой, неподалеку, чтобы, скажем, зарыть получившуюся вещь в землю, а потом лет через десять выкопать и посмотреть, что получилось? И как ведут себя в Ехо просто очень старые вещи?

М.Ф.: *Надо начать с терминологической поправки. «Простые волшебные вещи» – это импортные вещи, то есть изготовленные вдалеке от Сердца Мира. Которые при этом, попадая в Ехо, приобретают дополнительные магические свойства. То есть Очевидная магия усиливает ту магию (другой природы, в том числе и простую магию человеческого внимания и намерения, хорошо знакомую нам), которая была в эти вещи вложена. Там где-то в тексте Кофа (кажется) как раз подробно объясняет, что означает этот термин.*

Еще надо сразу сказать, что если ремесленник хочет поработать без Очевидной магии, ему не надо прятаться в Холоми. Достаточно просто не читать никаких заклинаний. Она (очевидная магия) сама насильственно в предметы не запрыгивает.

Тут штука в том, что в Ехо и окрестностях народ избалован доступностью Очевидной магии. И другую просто не применяет! Ну, массово – точно нет. Неспособные к Очевидной магии потомки драххов практикуют какую-то свою древнюю «лесную» магию, у них выхода другого нет. (Кстати, видите, как разумно все было устроено: возле Сердца Мира испокон веков жили люди, не способные к магии Сердца Мира, к источнику особо не припадали, и все были довольны; кто ж знал, что с Уандука и Чирухты такие толпы способных понабегут.)

Так вот, в других землях Очевидная магия работает с большим трудом (считай, не работает), но это не означает, что магии там нет вовсе. Она есть. Разная, разной природы и разной степени эффективности. В Уандуке, как я понимаю, вообще такая круть творится, что угуландцам и не снилось (вернее, снилось, но не все). Короче, в других землях колдуют иначе. И эффект «Простой Волшебной Вещи» получается, когда Очевидная магия накладывается на какую-то другую. Вот в чем штука.

Что же касается очень старых вещей, они будут вести себя по-разному. Все же зависит от того, кто, как и для чего эту вещь делал, что в нее вкладывал.

Чашка десятая
«Наваждения»

В вопросах, которые мне оставили по поводу этих двух книг, «Зеленые воды Ишмы» и «Сладкие грезы Гравви», был один крайне важный.

Как отличить наваждение от реальности?

И сегодня я буду писать об этом, потому что для меня это один из постоянных вопросов. Практически вопрос жизни и смерти.

С одной стороны – никак. Все дается нам в ощущениях, никакой другой картины мира, кроме той, которую мы воспринимаем, у нас нет. С этой точки зрения мы все живем каждый в своем наваждении.

Вопрос всегда в полученном опыте.

Когда-то очень давно я спросил одного молодого человека, что, кроме удовольствия побыть в искусственно моделированной среде, могут дать ролевые игры. И он ответил мне с большой убежденностью – опыт!

– ?Вот смотри, – сказал он, – ситуация: герой подходит к воротам города или замка и должен убедить стражников впустить его. Это же живые навыки! Ты учишься! Это потом очень пригождается в жизни!

– ?Ничего подобного, – сказал я. – В ситуации с реальным замком стражники просто не станут тебя слушать. Они начнут стрелять. И очень метко.

(Это не означает, кстати, что ролевые игры ничего не дают. Разумеется, я так не считаю. Это прекрасный способ познакомиться с самим собой, условные ситуации вообще прекрасно знакомят нас с самими собой, а наваждения – особенно.)

Когда мы находимся в замкнутой сфере своих представлений, ее центральная фигура – мы сами, а мир полностью нам подчинен, вот в чем главная отличительная черта наваждений. У наваждения нет фидбэка, за одним только исключением: если тот, кто строит наваждение, в состоянии воспроизвести в нем полностью весь мир, во всех деталях, если его внутренний опыт (хотя бы в потенциале) способен вобрать все имеющиеся во всемирном поле возможные конфигурации – вот тогда его наваждение не будет отличаться от реальности.

(Но тогда речь, извините, не идет о человеке. Поэтому этот случай мы рассматривать не будем. Хотя, забегая вперед, я полностью согласен с формулировкой «совершенное безумие».)

Потому что все проверяется опытом. В наваждении нет необходимости выносить опыт – просто меняются условия игры, мир подстраивается под игрока, игрок скорее поменяет мир, чем будет осваивать новый опыт.

Вот как с этими стражниками. В реальности они пришлого одинокого гостя и слушать бы не стали, – что ж, этот вариант не подходит, берем тот, в котором стражники разговаривают и даже договариваются. Это и есть построение мира под собственные навыки.

При наваждении наращивается (трансформируется) навык.

В реальности – наращивается (трансформируется) опыт.

Наваждение всегда либо равно тому, кто находится в его центре, либо меньше, чем он.

Реальность – всегда больше.

Да, в наваждениях мы тоже получаем опыт, но у нас нет необходимости его трансформировать, осваивать, у нас нет необходимости менять себя. То есть можем поменять, если захотим, – но принуждения к этому нет.

В реальности без трансформации опыта мы не получим от нее необходимый отклик. Или получим отклик, который нам совсем не понравится.

Одна из любимейших моих книг – это «Принц и нищий» Марка Твена. Том Кенти до того, как попасть в королевский дворец, несколько лет «играет» в принца. Настолько, насколько это для него возможно. Даже, помнится, учит латынь, что для него, нищего мальчика, – невероятные высоты. То есть получает навыки.

При этом попав в настоящий королевский дворец, он обнаруживает, что система взаимоотношений высшей знати, низшей знати, армии и простонародья – гораздо сложнее, чем он мог себе представить. Всех его навыков, полученных в ходе ролевой игры в «принца» хватает только на то, чтобы сойти за безумца. И, кстати, спасает его в итоге его очень доброе и храброе сердце. То есть то, что он получил опытом, а не навыками. А отнюдь не скверная латынь или умение подражать цветистым речам царедворцев. Вот они как раз в реальности оказались признаками безумия.

У принца, попавшего в среду нищих, нет ни малейшего навыка жить в этой среде, зато есть куча опыта общения с куда более сложными людьми, чем семья Тома Кенти. И что в итоге? В итоге он очень быстро находит себе свиту, выходит из нескольких очень тяжелых ситуаций – и успевает прервать коронацию, а также вернуть себе то место и положение, которое считает своим.

Оба получают массу новых навыков. Но опыт Тома при этом остается опытом нищего мальчика – хотя и невероятный для этого нищего мальчика. А опыт Эдуарда остается опытом принца – точно такой же невероятный для принца. Реальность реагирует на нищего как на принца, а на принца – как на нищего, но ни тот, ни другой при этом не подчиняются ей, но, меняя себя, получают отклик от реальности, снова меняют себя, снова получают отклик – и так пока не меняются местами обратно, то есть не приводят реальность в соответствие с собственным «наваждением» (персональным восприятием себя).

Это и есть точка отсчета. Когда мы охвачены наваждением, нам не нужно менять реальность. Мы и так прекрасно справляемся – воображая себя принцем, Том Кенти палец о палец не ударил для того, чтобы привести воображаемую среду в соответствие с реальной. Нам более чем достаточно самого наваждения. Опыт внутри наваждения остается навыком до тех пор, пока он не опробован на реальности. Пока не получен фидбэк, причем не просто фидбэк, а некое нарушение стабильности, некая «проверка материала». Вот тогда навык превращается в опыт.

Проще говоря, чтобы опробовать, хороша ли твоя латынь на самом деле (которая совершенна в мире твоих представлений), придется заговорить на ней с кем-то, кто знает ее лучше, чем ты сам.

Но для этого необходимо выйти за рамки наваждения. Тут никуда не денешься.

И вопросы, и ответы:

Вопрос читателя: Зачем Джуффин отправил Макса в далекое и долгое путешествие в Куманский халифат, а затем еще и в Черхавлу, если можно было просто спрятать Мелифаро в пригоршню и попасть в Кумон Темным Путем?

М.Ф.: *Ну так ясно же (теперь), чем занимается сэр Халли в Тайном Сыске – прежде всего, обучением своих сотрудников. А тут можно обучить кучу народу сразу: Макса с Кофой отправить в Уандук, на дело, Мелифаро подольше подержать в состоянии транса – когда еще такой опыт доведется получить. А спрятать Мелифаро в пригоршню и попасть в Кумон*

Темным Путем можно было в любой момент – если Макс с Кофой не справятся. Я хочу сказать, что на самом деле риска-то не было. Но если бы об этом знал Макс (подозреваю, что Кофа знал и относился к поездке как к заслуженному отпуску, он Куманский Халифат очень любит), он бы, конечно, не выложился целиком. Ну, это известная методика обучения: моделируется игровая ситуация, но ученик считает, что ситуация самая что ни на есть настоящая.

Вопрос читателя: Макс упоминает, как на Темной стороне Шурф однажды сказал, что воспоминания и наваждения бывает невозможно отличить друг от друга. При этом здешний Шурф, кажется, придерживается иной точки зрения. Возможно, неким образом Коба дает ответ и на данный вопрос, когда отвечает Максу насчет «не так и не этак» (если трактовать это как «все может быть и так, и этак»).

Но все же: как отличить воспоминание от наваждения?

М.Ф.: *Как отличить воспоминание от наваждения? – да никак. Потому что, по большому счету, они суть пережитый нами опыт. То есть одно и то же.*

Удивительное на самом деле совпадение, потому что всего полчаса назад у меня в голове крутилось ровно вот это. Что нет никакой разницы между, скажем, королем в изгнании и сумасшедшим, решившим, будто он король в изгнании. Или между человеком, испытавшим настоящее предательство близкого, или не пойми с какого перепугу решившим, будто близкий его предал, а тот – ни сном, ни духом. Потому что опыт во всех случаях равновелик. А значение имеет только опыт. Он нас формирует.

Все это, повторяю еще раз, по большому счету.

По малому же счету, мы все (внезапно!) теперь возвращаемся с Темной стороны и резко меняем мнение по этому вопросу:)

Потому что нас окружают живые люди, и очень желательно, чтобы наше поведение выглядело адекватным и никому не навредило. Так лучше для всех.

Поэтому, отдавая себе отчет, что воспоминания и наваждения суть одно и то же, мы быстренько собираем волю и разум в кулак и прикидываем, какая часть нашего опыта разделена окружающими (и потому будет сочтена «реальной»), а какая часть опыта принадлежит только нам, поэтому ее следует скрывать. Не рассказывать членам семьи, что мы тут все короли в изгнании. И не обвинять ближнего в предательстве, которое он не совершал. Тут делопроизводство должно быть на высочайшем уровне, всякому опыту своя папка и не смешивать.

И не смешивать!

Я: На самом деле насчет «никакой разницы между королем и сумасшедшим» я бы поспорил.

М.Ф.: *Для него, изнутри, такой разницы нет, если его безумие безупречно.*

По той простой причине, что лишь воображающий (и только воображающий) себя королем будет воображать в рамках доступного ему опыта.

Совсем не факт. Информационное поле никто не отменял. А безумие отлично позволяет с ним взаимодействовать.

Но ты прав – в том смысле, что полноценным опытом может считаться только безупречное безумие, а не «полет фантазии на крыльях воображения».

Для этого нужно иметь абсолютно совершенный аппарат восприятия информационного поля, а в таком случае уже – хоть король, хоть Господь Бог.

…Ну, скажем так, неплохой аппарат надо иметь. Это да. Речь идет о качественных наваждениях (качественном безумии). Поверхностный бред никого не интересует!

Возвращаясь к разнице между воспоминаниями и наваждениями – изнутри ее нет, зато она очень хорошо заметна снаружи, извне. Например, мы помним, как превратились в слона. Прямо посреди квартиры в панельном доме. Наши соседи совершенно точно знают, что мы не превращались в слона! Но внутри нас этой разницы нет, если мы теперь точно знаем, как чувствует себя запертый в малогабаритной квартире африканский слон. Это теперь наш опыт.

Поэтому вполне можно сказать, что разница между воспоминаниями и наваждениями такова, что за первые нас не упекут в дурдом.

Но за вторые тоже не упекут – при условии, что мы способны к анализу и самоконтролю.

Я здесь отвечаю сразу из двух позиций. Потому что – совершенно верно! – любой правдивый ответ – это несколько ответов сразу. Правда всегда многослойна.

И последнее. Такие вещи обычно вслух не говорят, но я иногда все-таки проговариваюсь.

Бывает, что сила убеждения отдельного человека столь велика, что его наваждение превращается в воспоминание. То есть в факт не только внутренней, но и внешней, разделенной с другими людьми, жизни.

Реальность пластична и меняется в обе стороны. Вот прямо сейчас, пока мы тут болтаем по переписке, наше общее прошлое незаметно изменяется волей какого-то незнакомца, вспомнившего, что все было как-то иначе. Но эти процессы, понятно, совершенно невозможно отследить. Ну или почти невозможно. «Почти» – это прекрасное слово. Щель между возможным и невозможным, в которую можно протиснуть не только себя, но и весь мир. Когда у меня будет фамильный герб, я его там напишу: «ПОЧТИ».

Вопрос читателя: Можно ли жить как-то по-другому в Мире Паука? В смысле не плести паутину? Или тогда Мир Паука выплюнет или уничтожит того, кто попытается жить иначе? И если «иначе» доступно обитателям этого мира, то что оно из себя представляет?

М.Ф.: *В дневниках Льва Толстого есть прекрасный эпизод: «Приходили мужики, спросили про смысл жизни. Я сказал». (Цитата неточная, по памяти, но суть именно такова.) Так вот, подобные вопросы ставят меня на место Льва Толстого. Но, в отличие от графа, я не справляюсь.*

То есть я не могу взять да и сказать: «Делайте так-то и так-то и будет вам то-то и то-то». Я могу только заметить, что на протяжении всей своей обозримой (для нас) истории авангард человечества (то есть самые сильные духом люди) ищут ответ на этот вопрос. Все известные нам духовные практики суть результаты этих поисков. Способов попробовать жить в Мире Паука по каким-то иным законам найдено очень много. Ни один из них не универсален, потому что каждому человеку на том этапе развития, на котором он сейчас находится, подойдут разные методы. Я даже не могу сказать, что «хоть что-то лучше, чем ничего», потому что иногда неправильно выбранный путь отнимает все время жизни и все силы, а в итоге приводит в тупик.

Но это не означает, что не надо пробовать, рисковать и стараться. Любая попытка выскочить за пределы человеческой участи ценна сама по себе. Это такой сокрушительной мощи намерение, что оно уже само по себе изменяет мир. И наш (человеческий) долг – делать эти вклады. Хотя бы одним только желанием, хотя бы смутным интересом к «такой» теме, хотя бы непонятной, почти не осознаваемой тоской по чему-то неопределенному.

Я: Слушай, мне кажется, мы забыли о главном: договориться, что такое вообще наваждения.

Ролевая игра или, скажем, история принца и нищего – это вообще никакие не они.

М.Ф.: *Наваждение – это, строго говоря, реальность, данная нам в ощущениях, но не с кем не разделенная (за исключением совместных видений, но и тогда реальность будет для маленькой-такой-компании, ни с кем больше не разделена).*

Для примера. Мне однажды (еще в школе) приснилось, что я – фашист в концлагере, и у меня там страсть (фильм «Ночной портье» появился сильно позже, и очень меня удивил рядом чисто стилистических совпадений с моим сновидением). Сон был такой яркий, что его эпизоды путались с настоящими воспоминаниями. У меня с тех пор есть очень интересный и специфический опыт, который никак не мог быть получен в реальности. И он при этом важный и яркий. Он меня отчасти сформировал. Просто не надо бегать и рассказывать, что я – настоящий фашист, а так-то все в порядке, все мое при мне, я теперь знаю, как это.

Еще для примера. Я хорошо помню дедушку, который учил меня читать. Он реально научил! А что дедушка снился-мерещился, или не знаю уж что там было, так это спасибо моему самоконтролю, что я не бегаю по родственникам и не требую рассказать, кто это был. Они бы очень удивились. Но читать-то я с тех пор умею.

Ну или чтобы совсем от снов уйти. Однажды в городе Одессе мне довелось по рассеянности сесть в троллейбус, который ехал по улице Малиновского, где даже соответствующих проводов нет. А потом – выскочить, чуть не обосравшись от ужаса. И это тоже опыт, который с тех пор со мной, просто доказать я никому ничего не смогу, если захочу.

В Германии под Мюнхеном меня в последние две поездки накрывало состоянием Людвига Баварского. Я именно благодаря этому наваждению знаю теперь немножко больше о том, как связан король с землей, где он король. Мне больше неоткуда было бы взять этот опыт, а теперь он есть. Опять же, просто немножко самоконтроля в нужный момент, и дурдом мне не грозит, а опыт – со мной.

…Вот эти примеры – то, что я называю «наваждениями». И я говорю об этом. А не о фантазиях, играх и прочих недоразумениях. Которые, кстати, тоже дают опыт, только другой. Опыт взаимодействия одного игрока с остальными, как в ролевых играх, опыт чужой социальной роли, как у принца и нищего. Но это уже другой разговор.

И еще самое главное.

Наваждение обычно не имеет никакого отношения к сфере наших представлений о мире. Или имеет, но таким хитровыкрученным образом, что все равно не имеет.

Наваждение вообще-то – совместная работа информации извне и нашего сознания, которое ее интерпретирует. Но без информации извне – это уже не наваждение, а фантазия.

Абсолютно согласен.

Думаю, вопрос должен быть переформулирован вот каким образом: не что отличает наваждение от реальности (да ничего, кроме неразделенного ни с кем опыта), а что отличает качественное наваждение от полета фантазии, пусть даже очень качественного.

Да. Но слушай, вот мне бы в голову не пришло, что хоть кто-нибудь понимаете слово «наваждение» иначе, чем я. Все смыслы кажутся такими очевидными, когда они в голове.

Кстати, на примере книжки, точнее, конкретного визита в конкретную Черхавлу было бы интересно поговорить о неразделенности даже общего, казалось бы, опыта.

Это же просто песня: три человека (не забываем о спящем, спрятанном в пригоршне) попадают в одно зачарованное место. Но о разделенности наваждения вообще речи нет, все трое получают три разных опыта.

Макс – опыт пребывания в красивом, но опасном для него («стремном») месте с последующий попыткой пленения, Кофа – совершенно бесценный опыт перехода из одной системы интерпретации в другую (он, как мы помним, видит обе версии Черхавлы – подлинную и принявшую подходящую для человеческого восприятия форму, его преимущество не только здравый смысл, но и то, что вся эта ситуация ему не особо близка, в ней нет ничего личного, а вот посмотрели бы мы на него, появись там его папа! А бедняга куманец получает только опыт бессознательного состояния, он спал в пригоршне и вообще все пропустил. В том числе, момент, когда его оставили в зачарованном месте, приговорив видеть чужие сны!

И это, конечно, так похоже на все, что происходит с нами постоянно, никаких так называемых наваждений даже не надо.

А «навык» и «опыт» – это все-таки вряд ли антонимы. И вряд ли возможно поставить вопрос таким образом, что мы получаем или одно, или другое. Обычно все вместе!

Навык формируется в результате определенного опыта, он – его прямое следствие, вот и все. Для оттачивания навыка нужна некоторая повторяемость опыта. Ну, у меня в голове смысл слов – такой, по крайней мере.

То есть и тут терминологическая недоговоренность у нас, мне кажется.

Вот это как раз и показалось мне тут самым важным – разделение навыка и опыта. Навык как опыт, полученный в сфере в вакууме – и превращенный в освоенный опыт, неотделимый от личности – методом проверки владения этим навыком, но уже в разделенной с другими реальности.

Грубо говоря, пока Элиза Дулиттл вопит «в-ааааааа-у!», ее новые речь и манеры – навык. Опытом они становятся, когда меняется базовая реакция.

Ну вот видишь, а для меня и то, и другое – навык. Просто новый, неотработанный и хорошо усвоенный.

А опыт – это вся совокупность ее жизни у профессора. И ее ощущения, когда она там жила, и все мысли, которые приходили при этом в голову.

Чашка одиннадцатая
«Большая телега»

Как способ переписания мира

Способ путешествовать, описанный в «Большой телеге», – это гораздо больше, чем путешествие как таковое. Обычно люди едут в другие страны за отдыхом, за новыми впечатлениями, за новыми знаниями – то есть, по сути, увеличивать себя.

Те, кто путешествует по городам «Большой телеги», – едут увеличивать мир.

Среди всех историй меня в сборнике поймала одна, и даже не история, а фраза – «все золото дорог Лейна». С того момента, как эта фраза появляется в тексте, текст, по сути, превращается в точное (с инструкциями) описание осознанного сна – вплоть до того, чтобы проснуться в реальности, этим сном немного, самую малость, подправленной.

Что происходит – для начала – в рассказе? Среди множества городов, названия которых очень мало что говорят даже «Гуглу», появляется некий город Лейн, сначала такой же, как эти города, а потом набирающий силу, как ветер.

В него сначала ведут мысли, потом золотые дороги, а потом в него уже ведет все – ноги несут туда путников, рельсы несут туда поезда, а поскольку этот город – приморский, то и корабли, задумавшись, начинают, видимо, немного выворачивать в его сторону, хотя идут вовсе даже из Марселя в Калькутту.

Что происходит со мной, читателем? Я начинаю истово верить в этот город. Вернее, даже не в сам город, а в дорогу в этот город, как в дорогу домой.

(Иногда дорога домой драгоценней самого возвращения домой, то состояние, в котором несешься, целеустремленный, как сила тяготения, и нет ничего, что остановило бы тебя на пути к дому. Когда доберешься – будет совсем другая история, но идти по верной дороге домой все равно, что быть принцем; порог дома переступают уже короли.)

Фразой «все золото дорог Лейна» меня сносило, как течением.

В сущности, откуда мы знаем, что существует тот или иной город? Все эти Эльче-дела-Сьерра, Марвежоль, Отерив, которые «дотошный читатель может найти на карте Европы – воспользовавшись, к примеру, Google Maps»? Лично я никогда не был ни в Марвежоле, ни в Оттериве, и чем эти имена хуже, чем Лейн?

Все, что у нас есть, – это свидетельство путешественника. Никто не знает наверняка, есть эти города на самом деле или нет, и Лейн, поставленный с ними в один ряд, становится таким же настоящим и несуществующим, как все остальные.

Поэтому, когда из шляпы выпала бумажка с надписью «Большая телега» я, поразмыслив, узурпировал право задавать вопросы, чтобы задать их все самому.

Я: Расскажи о Лейне. Откуда он взялся? Где находится, как туда попадают – только случайно или можно и целенаправленно взять и пойти? И есть ли у него своя звезда в созвездии Большой телеги?

М.Ф.: *О Лейне я знаю больше, чем, скажем, Гриновский Пик-Мик об Арвентуре. Но, будем честны, ненамного.*

Это же процесс, не особо поддающийся описанию – как мы узнаем о разных вещах. Вдруг откуда-то появляется фраза: «Все золото дорог Лейна», – и ты думаешь, что это красивая фраза, надо бы ее записать. А записав, понимаешь, что знаешь уже какие-то подробности. Например, что там зеркальное небо – не то чтобы оно сделано из зеркала, просто такой оптический эффект, скорее всего, непостоянный, как, скажем, облачность.

Небольшое отступление: мне кажется, единственное, что действительно необходимо для сбора подобной информации – это дисциплина сознания. Чтобы, с одной стороны, слышать, что тебе говорят (что, вероятно, ты сам себе говоришь из какого-то невозможного далека), и заставлять себя (это огромное усилие) переводить на человеческий язык хоть какую-то часть полученной информации, чем больше, тем лучше. А с другой, сохранять невозмутимость, не выскакивать с этой информацией на площадь. И вообще не мельтешить. А придумать способ с ней работать; художественная литература и вообще искусство во всех проявлениях в этом смысле совершенно незаменимая штука. Я иногда жалею, что жизнь моя сложилась так, что мне не удалось реализовать свои способности к математике и пойти в ученые. Так вот, на самом деле, зря жалею. Не будь у меня такого прекрасного инструмента конвертации собственных видений в беллетристику, черт его знает, удалось ли бы мне вот так спокойно ходить по городу среди бела дня, не размахивая рукавами смирительной рубашки. Потому что моя дисциплина сознания велика, но совсем не безгранична.

Как добраться до Лейна – хороший вопрос. Как всегда, когда речь заходит об иной реальности, правильный ответ состоит из нескольких: «совершенно невозможно», «у каждого свой путь», «некоторым вообще не надо в Лейн, им надо в какое-нибудь другое место», «если все время смотреть в темноту внутреннего пространства примерно под правой скулой, можно кое-что разглядеть», – и так далее. Бесконечное «так далее». Чем больше составных частей и чем больше они противоречат друг другу, тем точнее ответ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.